

Галина Жадан

Синние облака

16+

Галина Жадан
Синие облака

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Жадан Г. А.

Синие облака / Г. А. Жадан — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Саша молода, красива, оканчивает университет, у нее есть любимый человек. Кажется, ничего не может измениться. Но вдруг все рушится. Как героине преодолеть невзгоды? Как забыть предательство? Где найти силы полюбить еще раз?

Содержание

При оформлении обложки использованы фотографии:	5
Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	15
Глава V	17
Глава VI	20
Глава VII	22
Глава VIII	25
Глава IX	29
Глава X	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

При оформлении обложки использованы фотографии:

<https://www.firestock.ru/>; <https://www.firestock.ru/devushka-minimalistichnyiy-makiyazh-brovi-girl-minimalistic-makeup-eyebrows/> Автор: [fireman](#)

https://yandex.ru/images/search?p=19&text=%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BA%D0%B8%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D0%BA%D0%B0&pos=579&rpt=simage&img_url=https%3A%2F%2Fimages.wallpaperscraft.ru%2Fimage%2Fnebo_oblaka_goluboj_108523_3840x2400.jpg&lr=11062

Часть первая

Глава I

Александра сидела на кухне на угловом диванчике, поджав ноги, пила чай, а взгляд был прикован к телефону. Одной рукой она держала чашку, периодически поднося ее ко рту и делая маленькие глотки, а другой обхватила телефон, так что ладонь с серебристым аппаратом казалась одним целым. Большим пальцем она беззвучно и с необыкновенной скоростью набирала на сенсорном экране текст сообщения. Девушка общалась с группой друзей, а на лице параллельно отражались эмоции от беседы: то улыбка бродила по губам, то брови удивленно поднимались или сдвигались в негодовании, то изумленно, то озадаченно, то насмешливо – словом, вся гамма переживаний коллективного разговора или «трёпа», по оценке самой болтуны.

Горячее солнце заливало просторное помещение кухни, сквозь занавеску распадаясь на тысячу лучиков, превращая шкафы, стены, посуду на столе в калейдоскоп из солнечных зайчиков. В приоткрытое окно вливалось долгожданное тепло, занавеска слегка колыхалась, пропуская нагретый на солнце воздух. Весна наконец-то доказала свое превосходство над никак не желающей уходить зимой.

Сегодня, видимо, решались не менее глобальные проблемы, настолько велико было внимание девушки, уткнувшейся в телефон – она даже не слышала крики, раздававшиеся из комнаты. Слышны были два женских голоса и два мужских, но только один женский, тонкий и пронзительный слышался, мягко говоря, очень громко, три других, тихих и как будто оправдывающихся, слышно было приглушенно и лишь изредка.

Надо сказать, что у хозяйки этой трехкомнатной квартиры на втором этаже в хорошем районе, Любови Николаевны, было три мужа и две дочери. Первый и второй мужья давно уже были бывшими, когда-то они были отцами двух дочерей женщины, а сейчас проживали в других районах города и не подавали признаков жизни, по словам дочерей. Третий муж, настоящий, благополучно пребывал в этой квартире и, кажется, не собирался съезжать. Видимо, Любовь Николаевна с годами научилась ладить с мужьями, теперь она была довольна и спокойна, живя с третьим мужем Захаром Семеновичем уже пятнадцать лет. Будучи в молодости властной и требовательной к окружающим, прямолинейной в высказываниях, не жалеющей ни мужей, ни детей, с возрастом она стала мягче и, наверное, толерантной и более уживчивой. Между дочерьми женщины была разница в десять лет. Марианна, старшая, высокая, с округлившимися формами матери семейства, шатенка, уже двенадцать лет как замужем, воспитывала двух славных детей. А младшая Александра, девушка среднего роста, по-юношески стройная, с русыми волосами, оканчивала технический университет. Хотя дочери и видели изменения матери в лучшую сторону, но по старой памяти старались не часто посещать родительский дом, да и между собой девочки, живя с матерью, никогда не были подругами, даже сестрами их трудно было назвать, слишком большая разница в возрасте, разница характеров, даже чисто внешне они разнились. Все это наложило отпечаток на теперешние их отношения – чисто приятельские, правда, с большим стажем, они никогда не ругались, но и любви между ними не было, словом – легкие отношения, не требующие ничего друг от друга, а дальше не надо и вникать.

Марианна, взбешенной фурией вбежала на кухню, где пила чай ее сестра. Александра лишь подняла глаза на вошедшую и продолжила свою увлеченную беседу с друзьями.

– Представь себе, – продолжая кричать, с негодованием бросала слова Марианна, – приходит в два часа ночи, мало того, что пьяный, так еще и девку какую-то притащил, и дружка

своего наглого. Так я их с лестницы и спустила. Даже соседи повылазили из своих нор посмотреть на такое безобразие.

– Бедолаги, – нахмурилась Александра, не отрываясь взгляда от экрана.

– Кто?

– Соседи. Жалко их. Они, наверное, во сне ели тортики, целовались, а ты со своим чудом!

– Каким чудом?

– Полагаю, что это был твой муж, – большой палец девушки продолжал скакать по экрану телефона.

– Ты оторвешься от своего телефона? Я ведь с тобой разговариваю, – продолжала кричать фурия, размахивая руками.

Сестра подняла голову.

– Но я уже слышала об этом. Потом муж приполз на коленях, подарил французские духи, и ты его простила. У этой истории будет такой же счастливый конец?

Марианна вдруг успокоилась и расслабилась, опустив руки.

– Тебе хорошо говорить. Но Виталий – отец моих детей. Слышишь, консилиум устроили, – она прислушалась к голосам, доносившимся из комнаты. Наверное, его успокаивают, как будто я провинилась.

– «Хочешь быть счастливым – будь им», сказал Козьма Прутков – назидательно протянула Александра.

– Хочешь сказать, что мне надо развестись? Но я люблю его.

– Тогда терпи, – Александра внимательно взглянула в лицо сестры и опять сосредоточилась на телефоне.

– Саша, Саша, – тяжело вздохнула старшая сестра, – ты еще совсем зеленая. Ду бист нох кинд, как говорил мой отец – ты еще ребенок. Максималистка, не знающая жизни. Такой большой выбор подчас, вариантов много, карточный веер – не знаешь, какую вытянешь карту, козырь или пустышку какую-нибудь. Жизнь так многоцветна, черным и белым не ограничишься. Надо лавировать среди житейских рифов.

– Корабли лавировали, лавировали и не вылавировали – сощурила глаза девушка и улыбнулась с ехидцей.

– Шла Саша по шоссе и сосала сушку, – парировала Марианна.

– Да, ты меня в детстве всегда так дразнила, а я раздражалась и плакала.

– Ну, теперь ты не будешь плакать? Ты девушка серьезная, с мужским характером. У тебя даже имя мужское – а Александры к тому же все были настоящими мужчинами, и Македонский, и Невский, и Суворов.

– Зато у тебя красивое женское имя. Даже два: Мария и Анна. А мне и одного не досталось. Вот и приходится становиться сильной и независимой. Я не стала бы терпеть такого мужа, – Саша налила себе чаю, предложила сестре, – тебе налить?

Марианна села за стол, взяла протянутую ей чашку, подула на чай, прихлебнула.

– Кстати об Александрях. – Продолжила Саша. – Вот ты назвала Македонского, Невского, Суворова. А подумай, кем они были? – Девушка сделала глоток, задумчиво улыбнулась. – Они – воители. Чувствуешь? Всем мужчинам необходимо воевать, завоевывать, сражаться, добиваться, покорять, побеждать. Такова их природа, сущность, можно сказать, главное в их жизни. Все их помыслы, устремления направлены на решение глобальных вопросов, общечеловеческих проблем: захват новых территорий, освобождение своей страны, проведение реформ – Александр II, создание радио – Александр Попов или космического корабля – Александр Королев. – Саша остановилась, задумалась, посмотрела вверх. – Хотя он, кажется, не Александр, нет, точно не Александр, видимо, все-таки Сергей. Но суть не меняется. Они не размениваются на мелочи, женщины для них не главное в жизни, они только могут помогать им, уте-

шать, рожать наследников, то есть все то, что близко к земле и заземленным радостям жизни, вообще, им позволено только идти рядом.

– А еще были Александр Радищев, Александр Пушкин, Александр Грибоедов, – запротестовала Марианна, – которые прекрасно жили без войны и сражений, трепетно любили своих жен.

– Им досталось другое время, и пришлось им сражаться в других областях человеческой деятельности, все трое служили на государственных должностях, что тоже не просто, и творили шедевры. В литературе тоже можно сражаться, что они и делали. А твой муж ходит на нелюбимую работу, как понуряя тягловая лошадь, и нет никаких сражений. Ты же никуда его пускаешь, он у тебя как горничная и нянька. Пусть хоть с Захаром на рыбалку ездит. Или тоже не отпустишь, сатрап в юбке.

– Ну, вот, – обидчиво поджала губы Марианна, – начали за здоровье, кончили за упокой. Я расхваливала твоё имя, а ты разнесла меня в пух и прах.

Слышно было, как в комнате продолжался разговор, но теперь это была спокойная беседа ровным дружественным тоном. Виталий, муж Марианны, был неплохим человеком, заботился о семье, деля своё время и усилия между работой и семьёй, приходил вовремя с работы, не забывал периодически приносить жене цветы, гулял с детьми, делал уроки со старшим, младшему читал перед сном сказки. Но иногда у него случались срывы или загулы, когда ему было необходимо сорваться с семейной цепи и, убежав подальше от дома, вдохнуть глоток свободы. Возвращался он быстро, как будто боясь, что его не пустят обратно, просил у жены прощения, та поднимала бурю, которая заканчивалась таким же бурным примирением. Мать Марианны и отчим оказывались всегда на стороне зятя, увещевая зареванную жену и оправдывая провинившегося мужа, прося Марианну простить Виталия, а мать и Захар даже уговаривали их заняться каким-нибудь совместным увлечением, как походы на природу или что-то в этом роде. Все быстро успокаивались, проходило время, и все повторялось вновь.

Сестры пили чай, продолжали беседу, такую же тихую, как и в комнате, и Александра даже отложила телефон.

– В семье всякое бывает, но на то она и семья, что любит и прощает, – увещевала старшая младшую, – вот будет у тебя своя семья, тогда вспомнишь меня.

– У меня есть семья, если ты не забыла. Но мой Сергей это не твой Виталик, он так никогда не поступил бы, – уверяла Александра, – он честный и любит меня. А тебе бы надо тоже позволять мужу и к друзьям сходить, и пиво попить.

– У нас дети, а это ко многому обязывает. Я тоже не бегаю по подружкам. Вот когда поженитесь, нарожаете детей, я посмотрю, как ты мужа будешь отпускать к друзьям...

– Да, я его сама отправлю, потому что я тоже его люблю. Или буду ходить вместе с ним. Мы заведем много друзей, и ему не придется уходить к ним от меня, – торжествовала Александра, – у нас и сейчас постоянно полна горница друзей.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, – Марианна перебила сестру, не соглашаясь с ней.

– Мы с Сергеем уже вместе два с половиной года, и хоть живем на съемной квартире, и дома своего у нас нет, но нам вместе очень хорошо, никто ни от кого не бежит.

– Саша, у вас общее дело – вы учитесь, а дальше неизвестно, что будет. Кстати, когда вы распишитесь? Так хочется на свадьбе погулять, свою то я забыла.

– Не знаю. Пока не думала об этом. Наверное, после защиты дипломных. Сейчас не до этого.

– Думай быстрее.

– Все у нас будет хорошо! Порадуйся за нас, – попросила Саша, умильно склонив головку, убрав с лица прядь волос.

Собеседница не успела ответить. У подъезда во дворе, куда выходило окно кухни, остановилась легковая машина, из которой во всю мощь неслась музыка, певец пел песню, которую Саша не знала. А Марианна тут же подхватила слова припева и начала подпевать:

– Синие облака, синие облака, где вы теперь? – Но тут же спохватилась, – сегодня какое число? Второе?

– Второе апреля, – подтвердила Александра.

– Сегодня же у тебя именины. Я слышала сегодня по радио. А еще если сегодня будут синие облака, значит, будут дожди и будет тепло.

Марианна подбежала к окну и, отодвинув занавеску, засмотрелась в окно. Саша тоже подошла к окну, недоверчиво взглянула на небо.

– Синие облака? Разве такие бывают? Никогда не видела.

– Бывают. Я видела, это красиво. А у тебя все впереди.

В это время консилиум в комнате закончился, и в кухню вошли веселые заседатели. Мать и Виталий улыбались, а Захар, размахивая руками, подводил итоги:

– Ну, вот и договорилась. На следующие выходные мы едем с Виталиком на рыбалку.

Марианна развела руками и посмотрела на Сашу.

– Надо было запатентовать твою идею.

– Сестра в ответ ей подмигнула и понимающе улыбнулась.

– Может быть, и Сергей поедет с нами?

– Надо спросить его, – пожала плечами Саша.

Глава II

Приход дочерей в дом матери – явление, скорее, редкое, чем частое. Вот и сегодня, в воскресный день сестры приехали, не сговариваясь. Марианна с мужем ехала к свекрови за детьми, которых забрали на выходные дедушка с бабушкой, по пути заехала к матери, чтобы поплакаться на выходку Виталия. Саша приехала за учебниками, которые хранились дома, и на которые просто не было места на съемной квартире.

Хозяйка пригласила всех пообедать, но Александра стала собираться домой: чай она уже успела выпить. Шумно проводив девушку, оставшиеся сели к столу. Захар был неплохим человеком. Грузный, медлительный, с большим животом и обширной лысиной, он любил посмеяться, к падчерицам относился ровно, без любви и без ненависти, давая им полную свободу, все свои чувства, если они у него были, он проявлял лишь к Любви Николаевне, или позволял себя любить, купаясь в заботе своей жены, тоже у него не первой. Наслушавшись жалоб от старшей падчерицы, он теперь пытался насмеяться, рассказывая анекдоты, которые все слушали вполуха, и не безызвестные истории из своей жизни. Зная эту маленькую слабость своего отчима, Саша и постаралась убежать из материнского дома, тем более, что дома ее ждал любимый. Марианна предложила подвезти сестру, она с мужем приехала на своей «Ауди», но та отказалась, зная, что тогда сестре пришлось бы делать большой крюк, к тому же есть не хотелось, да и пора уже было спешить к любимому мужу.

Саша прошла по двору, до боли знакомому: здесь прошло ее детство, вот детская площадка с песочницей, в которой она побила лопаткой мальчишку из соседнего подъезда, а позже, когда училась в старших классах, стояла с тем же мальчишкой, Вовкой Бутыриным, возле турника или целовалась с ним вон на той скамейке. А когда ей было шесть лет, она играли с ребятами в прятки, и когда ей пришлось водить, она увидела на скамейке своего отца, который нервно курил одну за другой сигареты. А когда она подошла к нему, он обнял ее и сказал, что уходит от них. Девочка долго плакала, скучала по нему. Первые два года он приходил к ней, водил в зоопарк, в центральный парк, в кино. Потом реже, и совсем перестал приходить. Саша знает, что он может прийти к ней, но он даже не звонит, занят, наверное. У него другая семья и, кажется, две дочки.

Саша попрощалась с воспоминаниями и вышла на проспект. До метро было недалеко, и мысли лавиной нахлынули туда, где ей было комфортно и привычно, туда, где работал, где писал сейчас дипломную работу ее любимый Сергей. И ей захотелось как можно быстрее попасть домой.

После ухода Саши все сели за стол. Обедали под нескончаемые шутки и анекдоты Захара. Все смеялись, даже виноватый и угрюмый Виталий под конец развеселился. Мать была довольна обедом, предлагая каждому «еще кусочек», жалея о том, что Саша не осталась. Хотя она привыкла к редкому посещению ее дочерьми, но сегодня было особенно жаль, что ушла младшая. Она испекла ее любимую шарлотку с яблоками и вишней – ох! Надо было завернуть дочери кусок пирога. Совсем закрутилась с далеко не новыми проблемами Марианны. «Совсем, как я с ее отцом. Хотя тот был жестким человеком, а у дочки – рохла какой-то», – сравнивала она отца и мужа старшей дочери. «Ну, ничего, перемелется – мука будет», – она любила успокаивать себя этой фразой.

Когда Марианна и ее муж сели в машину, веселье сразу пропало. «Как корова слизнула», – расстроилась Марианна и вспомнила свою обиду на мужа. Она упивалась этой обидой, накручивая себя против него, и уже готова была, как закипевший чайник, выпустить пар, как вдруг, резко затормозив, она чуть не врезалась в остановившийся впереди черный джип.

– Черт! – испуганно вскрикнула она, вытерев лоб, на котором выступила испарина.

У нее тряслись руки.

Виталий тоже испугался, но быстро взял себя в руки, обняв жену.

– Спокойно! Все нормально.

И дальше, быстро достал из бардачка пластиковую бутылочку с водой, открыл и подал жене, которая еще сидела в шоковом состоянии.

– Выпей! Все хорошо. Успокойся.

Черный джип уже укатил, а позади них уже сигналили спешащие водители.

– Потихоньку заводи и поехали, – уверенным тоном произнес Виталий, накрыв руку жены на руле, передавая ей свою силу и невозмутимость.

Дальше ехали без происшествий, забрали взбудораженных, заваленных подарками детей, проводивших очень активные выходные у бабушки с дедушкой.

– Мы были в центральном парке!

– Катались на каруселях!

– Стреляли в тире!

– Ели мороженое!

– Здорово! – радовались родители.

Дома, когда все успокоились, мальчишки пошли готовиться к школе, Марианна ушла на кухню, Виталий напросился в магазин. Вернувшись и оставив пакеты с едой у порога, он подошел к жене и протянул ей в подарочной упаковке коробочку.

Удивленно и заранее вкушая удовольствие, Марианна открыла коробочку, достав флакон духов.

– Мои любимые! – поднеся бутылочку к лицу и втянув появившийся уже слабый аромат.

– Я прощен?

– Спасибо!

– О, не благодари, это я виноват.

– Нет, я за то, что ты поддержал меня в машине. Я очень испугалась, и боялась, что ты начнешь на меня кричать. А ты... Ты так поддержал меня.

Он обнял ее, целуя ее лицо, шею.

– Я хотел сам сесть за руль, но помня вчерашний свой излишек...

– Да, это правильно.

– Что правильно?

– Что с нами вчера не было детей.

Она принимала поцелуи, а потом и сама начала его целовать.

Саша любила свой дом. Правда, это была квартира, в которой они прожили всего год, а до того снимали другую, из которой их попросили выехать, а квартиру выставили на продажу. Купить ее у них не было денег, пришлось опять снимать жилье. Квартира была однокомнатной, но ей и Сергею вполне хватало. Помогали родители, и сами они не сидели, сложа руки: учились они хорошо, и поскольку их специальность была связана с компьютерными технологиями, они подрабатывали в Интернете.

– Сережа! – С порога позвала Саша. – Ты дома?

– Где же мне быть? – Из комнаты слышны были звуки рвущихся снарядов.

– Действительно глупый вопрос. Кто еще может резаться в танчики, когда нужно работать! – Саша вошла в комнату – Как дипломная? Двигается что-нибудь?

– Двигается, – не отрываясь от монитора, весело ответил Сергей.

– Сомневаюсь, – вздохнула жена и прошла на кухню – есть будешь? – крикнула она уже оттуда, хлопая холодильником. – Я купила твою любимую колбаску.

– Сейчас приду, – радостно крикнул муж, не отрываясь от игры, – а лучше сюда принеси, – нашел он хорошее решение. – Андрей с Семеном приходили.

Андрей и Семен – однокурсники Сергея и Саши.

– Так, значит, ужин придется готовить заново, а я надеялась, что еда у нас есть, – вздохнула хозяйка и громко спросила, – Сереж, а это друзья закинули твою дипломную в долгий ящик? Или все же танчики?

Единственная комната была довольно большой, в ней поместились и кровать, и диван, платяной шкаф, несколько книжных полок на стенах, старый трельяж с мутноватым зеркалом, который хозяева пожалели выбросить, и в центре квадратный стол, на котором стояли два ноутбука: один открытый, в котором шло нешуточное танковое побоище, другой закрытый. Мебель была безликой, но хозяйка этого временного пристанища пыталась облагородить комнату, сделать ее уютной: на полках, кроме книг, стояли статуэтки кошек, которых она очень любила, поэтому собирала коллекцию этих удивительно красивых животных, икебана из сухих цветов и трав в хрустальной вазочке, которую она принесла из дома матери. Кровать была застлана пушистым оранжевым пледом, а на диване восседали шесть разноцветных подушек-думок разного калибра.

Александра вернулась с тарелкой бутербродов с колбасой, поставила на столе рядом с мужем, села напротив и открыла свой ноутбук.

– Ты дописал главу в дипломной? – заботливо спросила она мужа, глядя в свой компьютер.

– Да, сделал, – Сергей с удовольствием пережевывал кусок, – почти.

– Что значит – почти?

– Не доставай.

– Тебе завтра надо идти к преподу с дипломной.

– Я знаю. Ты свою сделала?

– Да. – У меня все в ажуре. А Иван Данилович даже хвалил меня! – Похвасталась Саша. – А сайт ты доделал? Хочу кое-что из вещей купить.

– Нет. Не доделал. Завтра.

– А почему не сегодня. Заканчивай свои танчики и займись сайтом. Нам нужны деньги.

– Всем деньги нужны.

– Сергей! Ну, действительно, займись делом, – Саша тщетно пыталась отвлечь Сергея от игры. – А знаешь, я ходила сегодня к маме. Мужчины приглашают тебя в следующие выходные на рыбалку.

– Не, я лучше дома побуду.

– Танчики?

– Ага. Я тут сегодня нашел кое-что. Знаешь, как по-японски звучит твое имя? Александра – слишком длинно. Возьмем – Саша. По-японски это будет: Арикахаика.

– Забавно и загадочно. А Сережа как зазвучит?

Ой! Мое – менее загадочно. Можно сказать, непереводаемая игра слов! – Поморщился переводчик, вспомнив, что последние две буквы его имени, в японском прочтении «су» и «ка», объединившись, превращались в нечто некрасивое.

– Чем бы дитя ни тешилось, – ухмыльнулась Саша.

Сергей продолжал играть.

– Слушай! Убери звук или надень наушники. Не могу сосредоточиться.

Сергей самозабвенно продолжал жать на клавиши.

– Ты не слышишь меня? – повысила голос Саша.

– Слышу, слышу. – Он резко вскочил, схватил с дивана наушники. – Достала своими наушниками.

– А ты достал своими танчиками. От твоего пуханья болит голова.

– Танки не пухают, а стреляют, взрывают, маневрируют.

– Вот дипломная твоя так бы маневрировала!

– Все будет в свое время, – успокоил Сергей жену.

Глава III

В тишине они долго сидели за компьютерами: Сергей играл, Саша писала реферат. Сергей выплескивал эмоции в виртуальность, по лицу его можно было увидеть, когда он побеждал или проигрывал, когда его танки взрывались или нападали. Тут были и огорчение, и ликование, и язвительность, и ярость, и торжество. «Ему бы в мимы пойти, – про себя предположила Саша, – Марсель Марсо отдыхает!» – Она представила мужа на улицах Парижа в костюме великого мима. Ухмыльнулась и продолжила работу, обо всем забыв. Саша умиротворенно доделывала свою работу, изредка выходя на кухню, чтобы принести еще бутербродов, кофе или яблок, которые они, молча, уничтожали. Тихая семейная жизнь текла своим чередом.

Саша надолго ушла на кухню. Тихо заворчала стиральная машина. Вкусно запахло жареным мясом, огурцами, чем-то еще пряным и сводящим с ума. Сергей бросился на кухню, чмокнул жену в щеку, схватил кусок, получил за это по рукам и умчался за компьютер, где его команда в он-лайн режиме перешла в наступление. Саша доделывала каждодневные дела, потом закончила реферат, который нужно было сдать завтра, зашла на кухню, чтобы выпить стакан кефира, муж кефир не признавал, считая, что на ночь лучше съесть бутерброд. Посидела еще недолго, глядя в окно на разорванные фонарями сумерки, мысленно проходя по завтрашнему дню, не забыла ли чего. Она очень устала, вздохнула и приказала она сама себе:

– Теперь в душ и спать.

Саша тихо вошла в комнату, подошла сзади к мужу, обняла его за плечи, положила голову на плечо, целуя его в щеку.

– Пойдем спать, вояка! Иначе завтра тебе понадобится волшебная взгрелка.

Сергей левой рукой погладил ее по влажным волосам, правой не выпускал мышку, упорно глядя в экран.

– Ложись, Сашура. Я чуть-чуть посижу и присоединюсь к тебе.

– А теперь скажи ласково! – Саша пыталась отвлечь игромана.

– Санюра! Пойдет?

– Пойдет, – вздохнула не слишком довольная жена.

Он обернулся к жене. Саша в этот момент слегка качнулась, развязала пояс, и шелковый халат легчайшей пушинкой соскользнул с ее плеч.

Мгновение и Саша оказалась в объятиях веселого Сергея. Он был бодр и напорист, как будто виртуальные бои наполнили его силой энергией. Он целовал жену нежно и в то же время крепко, как бы говоря: «Ну, голубушка, ты от меня не вырвешься». Но она и не пыталась бежать от него. А он целовал ее еще горячее от душа тело, пытаясь вдохнуть в нее свой задор. От его страсти она вспыхнула и отдалась ему, как отдавалась в медовый месяц.

– Сашка, я люблю тебя! – он продолжал держать ее в своих объятиях.

– И я люблю тебя!

– О! давай я уйду на кухню, чтобы тебе не мешать.

Муж ушел на кухню, прихватив ноутбук и закрыв дверь. Саша дала волю закрывающимся от усталости глазам и тут же уснула, успев подумать: «Опять Сережка не делал дипломную...».

Она проснулась среди ночи. На окне висели тонкие светлые занавески, поэтому в комнате было не темно, а сумрачно, да еще вывеска на гастрономе напротив назойливо пыталась осветить Сашкину комнату. Саше даже не надо было ошупью проверять присутствие мужа, она видела, что Сережкина половина пуста. Саша взяла с тумбочки, которая стояла с ее стороны свой телефон, осветила экран – было три часа ночи. На двери кухни мрачным пятном светилось матовое стекло.

Саша прошла на кухню. Сергей в наушниках все так же сосредоточенно смотрел на светящийся экран, руки лежали на клавиатуре, а пальцы бегали по клавишам.

- Сережа! Ну, сколько можно! Пойдем спать, завтра рабочий день.
- Сейчас. Еще минуточку.
- Ни секунды больше. Спать!
- Ну, что ты раскричалась среди ночи!
- Сереженька, я не кричу. Пойдем спать, – Саша захлопнула ноутбук.
- Что ты делаешь? Не дави на меня!
- Пойдем спать!
- Блин! – Сергей снял наушники и выскочил из кухни.

Жена зевнула и сонно побрела за ним в комнату. Сергей уже спал – усталость взяла свое.

Утром она не могла разбудить его, что только она не делала: и будильник заводила на полную мощность, и горячий кофе подносила к лицу, даже водой брызгала. Прошел час, как Сергей поднялся, и тотчас начал пить остывший кофе.

- Прости, я ночью нагрубил тебе.
- Она поцеловала его в кончик носа.
- Ладно. Только возьми за дипломную. Я переживаю за тебя.
- Ради тебя я сверну горы.

Саша протянула руку, взяла телефон, взглянула.

- Ой! Мы можем опоздать. Собирайся быстрее.
- Сергей еще раз поцеловал ее и заметался по комнате.

Глава IV

Саша шла по широкому двору университета. На небе не было ни облачка. Майское солнце заливало город и его обитателей теплым нежным светом, отвлекая их от насущных дел и проблем, а студентов – от учебы. Хотелось все бросить и сломя голову бежать по траве босиком, подставлять лицо под капли слепого дождя, рвать цветы на лугу и целоваться под цветущей сиренью. Но приходилось брать себя в руки, спешно дописывать дипломные работы, курсовые, дочитывать учебники, выпрашивать пропущенные лекции, готовиться к экзаменам. У Саши тоже был напряженный период, а вчера она защитила дипломную работу, готова была к экзаменам, посещала все лекции, но волнение не обошло и эту студентку, идущую на красный диплом. Она боялась не оправдать надежды своих преподавателей, которые пророчили ей большое будущее и сулили красный диплом. Это ко многому ее обязывало, она старалась больше выучить, лучше написать, безупречно ответить. От этого она сжалась в комок, боясь чисто человеческих радостей, и все время проводила за учебником и компьютером. Она меньше времени стала уделять мужу, перестала и от него требовать к себе внимания, забросила кухню, переведя семью на полуфабрикаты, бутерброды и заказную пиццу. Ее коллекция фарфоровых, деревянных, стеклянных, гипсовых кошек, восседавших на полках, покрылась пылью. Сергей не роптал, как будто и не замечал перемен в своей жене. Он тоже сидел за компьютером, но в отличие от своей жены, просто развлекался, уходя с головой в виртуальные миры. Казалось, он ничего и никого вокруг не замечал.

Саша провела рукой по лбу, то ли отстраняя от себя проблемы, то ли убирая прядь волос, которую теплый ветерок забросил ей на лицо. Она завернула за угол и резко остановилась.

– Блин! Светка! Как ты меня напугала, так зайкой можно остаться, – она прижала руку к сердцу, которое колотилось, как после хорошей пробежки.

– Блин! Я сама испугалась! – подруга даже уронила книгу, которую до этого держала в руках.

Обе девушки наклонились, чтобы поднять книгу, стукнулись лбами и расхохотались. Смешно еще было от того, что они сравнительно недавно расстались, направившись к своим преподавателям, которые курировали их дипломные работы. Обе девушки были в летних платьях и в легких курточках, которые можно было снять, так как солнце палило нещадно, но девушки как будто не верили еще в постоянство наступившего тепла.

– Как дела? Как твоя работа? – спросила Саша.

– А, тройка обеспечена. Говорит, подтяни, поднажми, – подруга изменила голос, пытаясь произнести это тоном своего наставника. – Я бы рада, да порошу уже не хватает. Мне и тройка пойдет. Тем более защита завтра. А перед смертью, как говорят, не надышишься. А ты как?

– Нормально. Все прошло хорошо, вопросов, правда, много задавали, а так ничего. Иван Данилович меня хвалит, аспирантуру предлагает. Я так волнуюсь!

– Ты молодец! Я слышала про твою защиту – без сучка и задоринки. Тебе нужна был пятерка, и ты ее честно получила. И препод у тебя классный! Мне бы такого Ивана Даниловича. Уж я бы свое взяла.

– Что ты взяла бы? – не поняла Александра.

– Я бы и дипломную написала бы на пять баллов, и замуж за него вышла бы. Еще в аспирантуру поступила бы. – Света игриво улыбнулась

– К черту аспирантуру, устала учиться, я работать хочу. Подруга, ты рехнулась? Он тебе в дедушки годится!

– Бери быка за рога, подруга! Знаешь, мне нравятся солидные мужчины. Кстати, я познакомилась с одним. Зовут его Константин. Ему лет сорок, развелся со своей женой два года назад, забрасывает меня цветами. Приехал в Москву из Новороссийска.

- Ты с ума сошла?! С хорошими не разводятся. Подумай об этом.
- А я замуж хочу! Вот, как ты! Вы с Сережкой такая красивая пара, аж завидно.
- Ну, да, – довольно подтвердила Саша, – мой Сережа – замечательный муж.
- Сомневаюсь. Сомневаюсь. – раздалось у Саши за спиной.

Саша не успела обернуться, как к ним подошла стройная модно одетая девушка, в бежевом летнем платье с откровенным декольте, в красивых туфлях на платформе в тон платья, сумка через плечо, черные волосы, стрижка каре. Но она была некрасива: круглое лицо, маленький вздернутый нос картошкой, слой макияжа не скрывал проблемную кожу девушки. Зато она вела себя очень уверенно, как будто она королева. Ну, почти. Это была дочь ректора университета, Яна Заславская. Училась она на одном курсе с подругами, но, как и Сергей, в параллельной группе, а значит, была хорошо с ним знакома.

– И что же это за сомнения мучают нашу Яночку, – с ехидцей в голосе попыталась подстроиться Света под тон вмешавшейся к ним в разговор девушки.

– Я про Сережу, – кивнула Яна, улыбаясь.

– И чем тебя так привлек мой Сережа? – грубо спросила Саша, сделав ударение на слове «мой».

Подошедшая девушка продолжала улыбаться.

– Девушки, я поражена вашей наивностью. Замечательный муж, лучший муж – это сказки для курсисток. А вы вполне современные студентки, даже не дуры.

– О, нам сделали комплимент, – с той же ехидцей подхватила Света.

Яна махнула на нее рукой.

– Я не об этом. Сегодня мужья, конечно разные бывают, но это еще и от внешности зависит. У тебя, Саша, муж красивый, а это значит...

– Это значит, не твоего ума дело, – Светка грудью пошла на амбразуру.

Яна сладко улыбнулась.

– Ну, ну, не горячись. Я даже рада за твою подругу. Но время у нас такое, – она задумалась, – скоротечное, что ли? Сегодня есть, а завтра, глядишь, и нет.

– Чего нет? Давай короче. У нас этого времени как раз очень мало. Говори или проходи дальше. – не выдержала Саша.

– Слишком деликатный вопрос – как будто не видела Яна раздражения подруг. – знаете ли, девушки, я вчера задала себе вопрос: а есть ли постоянство в человеческих отношениях? И разочаровалась. Нет постоянства у нас, у людей.

– Ты издеваешься?

– Нет-нет. Я хотела просто дать тебе добрый совет, Александра, – ректорская дочка наигранно улыбнулась. – Береги мужа, деточка, а то ненароком забудешься, а тут раз – и нет его.

– Чего ты ерунду мелешь? – не выдержала Света.

– Уведут у тебя мужа, и не заметишь, как и кто.

Саша схватила Свету за руку.

– Пойдем, некогда слушать эту глупость.

И подруги быстро зашагали от доброй советчицы.

А Яна, подбоченясь, крикнула им вслед.

– Красивый муж – соседкин муж. Держи крепче!

Потом опустила руки, сгорбилась и выругалась.

– Бл... Посмотрим еще, кто чей муж.

Глава V

Девушки быстро удалялись от навязчивой однокурсницы.

– Больная! – брезгливо процедила Саша.

– Да коза она драная! – сделала заключение Света, махнув рукой.

– Светик, я так и не поняла, к чему она это все говорила. Кто уведет у меня мужа?

– Перестань слушать ерунду. Ты же видишь, она это из зависти говорила. У нас девок мало, но все, кто есть завидует тебе. Умница, красавица, отличница, да еще и муж красивый. А тем более, Янка. Папа у нее ректор, да рожей не вышла. Никто не кинулся на нее.

– Ну, не правда. У нее много парней.

– Так это из-за папочки! А так, кто ее полюбит такую?

– Ну, на вкус и цвет товарища нет.

– Нет, не так, – рассмеялась Света. – Вкус не указчик: кто любит арбуз, а кто свиной хрящик.

Теперь они вместе смеялись от души, а Саша даже представила Яну и рядом, почему-то, скрученный свиной хвостик. Наверное, хрящик не удалось представить.

Они долго хохотали бы, если бы не раздался мелодичный звонок на Сашином телефоне. Они перестали смеяться. Саша ответила. И вдруг стала серьезной, так что даже лицо потемнело. Разговор длился недолго.

– Что? Что случилось?

– Отец звонил. Просил о встрече. Приглашает посидеть в ресторане, поговорить.

– Сейчас?

– Нет, сказал, что позвонит и скажет, когда и где.

– Ну, надо же! Объявился. И что, пойдешь?

– Пойду. Хочу посмотреть на него, и узнать, чего ему от меня надо.

– Я бы не пошла. Мой тоже в бегах, но я и смотреть на него не хочу.

– А почему тебе нравятся мужчины в возрасте, ты не знаешь?

– Почему?

– Наверное, подсознательно тебе хочется отцовской любви.

– Скорее мне хочется стабильности, а не сопли молокососам подтирать.

– Это ты на меня намекаешь?

– Что ты? Что ты? – испугалась Света, боясь обидеть подругу. – Вы с Сергеем потрясная пара. Я тоже хотела бы построить в своей семье такие отношения, как у тебя с мужем. Простые, дружеские, дом всегда полон друзей, при этом ты все успеваешь: и свои дела переделать, и мужа обаять. У вас удивительное единение душ. Я вижу вас держащимися за руки и идущими рядом по одной дороге. Молодец ты, Сашка!

– Ну, восковые фигуры с нас лепить еще рано, – засмеялась захваленная жена.

– Нет, правда, Сашуля. Я еще не встречала такой семейной пары, как ваша. Кстати, а вы когда распишитесь? Может, на свадьбе гульнем? А то сейчас получим дипломы и разбежимся в разные стороны. Жалко, правда?

– Ну, что же ты, так хорошо начала. И на свадьбе погуляем, и разбежаться не будем! Будем дружить, как говорится, домами. – Она подмигнула подруге. – Давай после твоей защиты посидим в кафе!

– Запросто!

На этом они расстались.

Сергей последнее время чувствовал себя усталым и потерянным. Что-то рушилось в его жизни, ускользала такая нравившаяся ему стабильность. Дипломная работа висела над ним дамокловым мечом, и он как будто и делал ее, но ничего не двигалось. Последнее время пре-

подаватель был очень им недоволен, но интеллигентно объяснял ему, что тот может получить «неуд», и даже пытался пугать его провалом дипломной работы, что будет равно потери пяти лет труда. И неплохого труда, но последние месяцы заставляют преподавателя думать, пять лет потрачены студентом даром.

Сергей пытался что-то исправить. Но как только он открывал ноутбук, как в нем что-то переключалось, и он включал игру.

«Сейчас, еще немного, несколько минут, и я буду работать», – уговаривал он себя. Но проходило пять минут, пятнадцать, тридцать, и он, как замороженный, не мог оторваться от виртуальной реальности, в которой завис, как муха в патоке. Он чувствовал, что жизнь его гибнет, но все равно держался взглядом за экран с танковым побоищем, а руки на клавиатуре привычным движением ткали паутину, в которой он запутывался крепче и крепче.

Даже жена не могла вернуть его в действительность. Он стал тяготиться ее присутствием, когда она заглядывала в его ноутбук, и напоминала ему о дипломной работе. И наоборот, когда ее не было дома, он спокойно играл, давая себе обещания сделать свою работу. И хотя обещания были тщетными, надежда оставалась. Главное, что никто его не уличал в этом, и он не чувствовал укоряющего взгляда жены.

Вот и сегодня жена пришла домой с большим пакетом, видимо, заходила в гастроном, который находился напротив дома, и с порога задала свой любимый вопрос:

– Привет! Как дипломная, движется?

Сергей напрягся. Свернул игру и открыл окно с дипломной работой. Со страхом посмотрел на последние строчки, и отчаяние захлестнуло его.

А жена подошла к нему, поцеловала в щеку и в который раз предложила свою помощь. Но разве он может позволить себе, чтобы Сашка, его жена, делала бы за него работу! Жена или любая другая женщина. Это было ниже его достоинства. Так приучил его отец: терпи, но помощи ни у кого не проси, тем более у женщины. Все вопросы в доме решал отец, мать могла только соглашаться, что она и делала. Жизнь матери казалась ему легкой и простой – ведь весь груз семейной жизни нес на себе отец. Сережа смотрел на отца, и ему казалось, что он тоже несет этот груз, представляя себя в роли мужа, и физически ощущал на себе житейский гнет. Сергей приехал из Воронежа, он уже пять лет не проживал с родителями, но уроки отца укоренились в нем. Живя уже третий год с Сашей, Сергей считал, что проблемы в семье решает он. Он подыскивал квартиру, когда это было нужно, занимался переездом, решал, куда они поедут на каникулы – то есть все, как он считал, мужские дела. А жене оставил чисто женские: сходить в магазин, приготовить еду, убрать квартиру, постирать, погладить. Саша не роптала, успевала сделать все домашние дела и при этом была отличница, чего нельзя было сказать о Сергее.

Правда, последнее время Саша сама заканчивала свою дипломную работу, и поэтому немного ослабила внимание на все прочие дела, но теперь, защитив ее, она взялась за мужа.

– Действительно, давай я тебе помогу. У меня сейчас есть время.

– Ты лучше накорми меня, – буркнул Сергей.

Саша засмеялась.

– Голодный ты мой! Сейчас я тебя покормлю, – она еще раз чмокнула его в щеку и понеслась на кухню.

Не успела жена скрыться, как Сергей тут же свернул свою ненавистную работу и, убрав звук, открыл нескончаемую игру. Он уже и сам не хотел играть, но это было выше его сил.

Как только Саша входила в комнату, он открывал работу и делал вид, что напряженно над ней думает. Саша верила ему, иногда даже мельком посматривала на экран ноутбука, чтобы еще раз убедиться, что Сергей работает, но при этом старательно что-то искала, чтобы муж не заподозрил ее в подглядывании.

Потом был ужин, и опять Саша суежилась, выполняя мелкие дела по дому, успев заглянуть в учебник и конспекты по предстоящему экзамену.

Когда она легла, Сергей продолжал работать. Она хотела позвать его, чтобы он лег рядом и обнял ее, но побоялась помешать ему, казалось, что он был полностью погружен в работу. Она смотрела на него и вспоминала Яну Заславскую.

«Что она хотела сказать? И Сергей последнее время какой-то отрешенный. Только есть просит, а на нее совсем не смотрит. Конечно, работает он много, но, кажется, совсем остыл к ней. Или это ей так кажется? Неужели, правда? – Она терзалась сомнениями, и в то же время разбивая их уверенностью в своем муже.

– Сережа, – не выдержала она, – давай после выпускного бала сразу распишемся. Хочется уже поменять фамилию и стать Чехониной.

Сергей повернулся к ней, окинул ее долгим взглядом.

– Ты хочешь? Давай, – сказал он без эмоций, не радуясь и не удивляясь.

Это бесцветное «давай» задело ее колючкой в самое сердце.

– Ты разлюбил меня?

– Что ты? – теперь он удивился. – Я, наверное, должен был обрадоваться. Но, во-первых, это я должен был предложить. А во-вторых, у меня сейчас сложный период. Ты-то сдала свою дипломную, а я, как ты понимаешь, еще ее не доделал. – Произнес он тираду, как будто обиделся на нее.

– Мы живем с тобой третий год, и я могу тебе это сказать, тем более, что от тебя этого не дождешься, – теперь обиделась она.

У него перекошилось лицо от гнева.

– Ты – женщина, ты должна была ждать, когда я сделаю тебе предложение, а не лезть со своими подсказками. – Он схватил ноутбук и понесся на кухню, хлопнув дверью.

Саша уткнулась лицом в подушку и горько разрыдалась. И только свиной хвостик стоял перед глазами любящей женщины.

Утром Саша не стала будить Сергея, быстро собралась и ушла, оставив ему заведенный будильник. Она боялась встретиться с ним, боялась увидеть в его взгляде осуждение. Оказывается, она должна была ждать, когда он сам предложит расписаться. Так было в прошлом году, когда она просила его поехать в Египет хотя бы на недельку, ей страстно захотелось увидеть пирамиды и ощутить «аромат веков», и были получены уже загранпаспорта, но Сергей не смог смириться с тем, что он пошел на поводу у жены, и в последний момент все перерешил. Они съездили тогда в Сочи. Хотя, взвеси́ла Саша, поездка удалась. А что было делать ей сейчас, когда все уже надоели, спрашивая, когда будет свадьба или когда они распишутся. Она убежала из дома одна, думая о том, что главное – это сейчас не встретиться, а вечером она что-нибудь придумает, а возможно, и Сергей к вечеру все забудет.

До вечера было еще далеко, Саша была занята делами, и даже удивилась звонку Сергея. То, что он сказал, было для Саши большим сюрпризом: он назвал ее Сашулькой и предложил в самом ближайшем будущем в торжественной обстановке обсудить важнейший вопрос. Рассудив, что важнейший вопрос – это их свадьба, Саша взлетела на седьмое небо и ответила нежным «целую» на его «я тебя люблю».

Глава VI

Прошла еще одна напряженная, наполненная радостями и переживаниями, трудовая неделя. Теперь уже и Света защитила дипломную работу, получив твердую четверку. Подруги, как и договаривались, решили отметить обе защиты в кафе.

Но день оказался бы неполным, если бы ни еще одно мероприятие. Как говорится, то пусто, то густо. Отец попросил Сашу о встрече в ресторане в этот же день, в восемь вечера. Саша рвалась на части, не зная, о чем думать: то ли о пирушке с друзьями, то ли о долгожданной встрече с отцом. «Пусть все будет по порядку, – решила она, – сначала друзья, надо отметить это знаковое событие. Жаль, что Сереже некогда. Ничего, сдаст Сереженька, мы еще раз устроим праздник. А потом поеду к отцу. Вот специально не буду думать о встрече заранее – она будет сюрпризом для меня. Думаю, и папа будет рад увидеть меня».

К девушкам присоединились еще трое ребят с курса, уже защитившие свои работы. Шумно, как школьники, завалились они в полупустое кафе. Кафе было дорогим, но им казалось, что они заслужили подобную роскошь, заказали бутылку вина, пиццу и пирожные. Наперебой рассказывали каждый о своей защите, о грозных преподавателях, ставших теперь такими добрыми, о труднейших вопросах, которые сейчас оказывались наилегчайшими, и как славно они отвечали на них. Все были довольны своими оценками, выпили за прекрасные студенческие годы, волновались перед экзаменами и рассказывали, кто куда пойдет работать. Им не терпелось поскорее начать свою трудовую деятельность, как будто им предстояли не годы труда, а необыкновенные приключения в стране чудес. Света намекнула, что возможно, уедет из Москвы, на что получила разочарованные взгляды и предположения, что она обязательно вернется назад. Где еще можно было работать, как не в Москве?

– Если только – в Нью-Йорке, – задумался Сашин тезка и обратился к Саше.

– А ты куда пойдешь работать, Александра? – он всегда называл ее полным именем, чтобы ее не путали с Сашей, то есть с ним.

– Пока не знаю. Но только не в Нью-Йорк, – рассмеялась она.

– А давай к нам в Холдинг. Мы с Ильей идем туда. Нас берут. А тебя, с красным дипломом возьмут с руками и ногами.

– Спасибо, Александр. Я подумаю, – обрадовалась Саша. – Просто я конкретно не думала об этом. Но мне это нравится.

Заказали мороженого.

Тут Света помахала кому-то за соседним столиком, наклонилась к Саше, прошептала, что сейчас вернется, и пересела к парню и девушке, которая в ответ помахала Свете.

Через несколько минут она возвратилась, схватила Сашу за руку, и повела знакомить ее со своими знакомыми.

Вообще, знакома Света была только с девушкой, которая была ее одноклассницей, но она представила Сашу обоим, как своим старым друзьям. Девушка Юлина была миловидной, но яркий макияж с жирными стрелками около глаз и стрижка ежиком черных волос с бритыми висками придавали ей какой-то зловещий вид. Хотя одета она была очень красиво: вечернее платье, надетое почему-то днем, яркий маникюр, туфли – все выдавало в ней далеко не бедную девушку, и явно не студентку, как предположила Саша. Парень, Стас, симпатичный, одет с иголочки, «Экий денди. Скорее всего – мажор», – оценила его Саша, она видела таких не раз, богатых папенькиных сынков, только издали, как нечто чужеродное, а теперь вот он сидит рядом и с интересом разглядывает девушек-студенток. На нем были черные брюки и черная рубашка с блестками и с расстегнутыми верхними пуговицами, на груди виднелся медальон на золотой цепочке. Виски у него тоже были выбриты, но гораздо обширнее, чем у его девушки, ото лба через макушку к шее шла полоса длинных волос, собранных в хвост.

«Ему идет черный цвет», – одобрила Саша, но вот прическа ей не понравилась. Она в принципе отрицала длинные волосы у мужчин, тем более с выбритыми висками.

Саша тоже была в платье, правда, не в таком шикарном, как у Юлианы, но, облекая красивую фигурку девушки, оно смотрелось очень милым. Обычно подружки ходили в джинсах, что делало их похожих друг на друга, фигурки у них были похожи, только Света была чуть выше и крупнее. А когда они распускали свои длинные волосы, бывало, их путали.

Света была в джинсах и спортивного типа блузке. И сегодня у обеих девушек были распущены волосы, а обычный ежедневный макияж, только подчеркивал естественную красоту девушек.

Алена и Стас спокойно приняли знакомство с Сашей. Алена манерно махнула рукой, а Стас встал и усадил обеих девушек. Разговаривали только Света и Юлиана, вспоминая своих одноклассников. Стас без стеснения, молча, разглядывал Сашу, а Саша, стараясь не смотреть на молодого человека, отводила взгляд, осматривая кафе. «Слишком просто все, хотя, конечно, изысканно», – одобрила Саша.

– Юлька, а помнишь... – звенел голос Светланы.

Юлиана жеманно, растягивая слова, что-то тихо отвечала.

Саша не слышала разговора, еще раз окинула взглядом кафе.

Дальше не было смысла отводить взгляд, она посмотрела на мажора. Тот в ответ мило улыбнулся, поднял бокал, предложил выпить за знакомство. Саша согласно поднесла свой бокал к протянутому бокалу мажора, но ей было неприятно это откровенное и ироничное разглядывание, казалось, что он ее раздевает. Он что-то спросил, кажется, слово «студентка» послышалось в вопросе, но Саша отвлеклась на звонок своего телефона. Она извинилась и ответила. Звонил отец и попросил ее приехать на два часа раньше, в шесть часов. Первоначально встреча была запланирована на восемь вечера. Она посмотрела на часы. Чтобы успеть, нужно было уже выходить. Она еще раз извинилась, отвлекла Свету от беседы и объяснила, что ей надо уходить.

– Жаль, – Света на миг отвлеклась от беседы. – Передавай привет папику.

– Папику? – удивился мажор – У нее есть папик? Не похоже.

– Отец родной объявился. Век бы их не видеть. – Ответила раздраженно Света, вспомнив своего отца, и повернулась к Алене.

Саша простилась с ребятами, выразив сожаление по поводу быстрого ухода, взяла такси и отправилась на долгожданную встречу. Сколько раз она представляла, как отец приходит к ней! Он был нежным, привозил кучу подарков. Подарки менялись в зависимости от ее возраста: сначала это были игрушки, простые и необыкновенные, которых даже не было в магазинах, потом были и ноутбуки, и планшеты, и телефоны последних марок. Или она представляла, что отец забирает ее в свой дом, смотрящим окнами на океан. Она не думала конкретно о городе или стране, просто это был дом на берегу океана, в котором поселились она и отец. И никого в округе больше не было. Это были сны наяву, и в них не было места матери и старшей сестре.

А сейчас он представлялся ей большим и сильным. Он задаст ей тысячу вопросов, ему будет интересно и то, как она учится, и то, что у нее есть любимый муж Сережа. Он порадует ее красному диплому, подскажет, куда пойти работать, будет идти рядом с ней и откроет большой зонт, если пойдет дождь. Детская мечта исполнялась, и это убаюкивало ее, наполняя покоем и теплым светом детства.

Тут она вспомнила, что надо позвонить Сергею и предупредить его о перенесенной встрече с отцом на шесть часов, и о времени возвращения она пока сказать не может. Телефон повторял и повторял мелодию из репертуара рок-ансамбля, который так нравился мужу, но трубку никто не брал. Она перезвонила. Тот же результат. Тогда Саша стала набирать номер снова и снова, без перерыва. Наконец телефон устал, и женский голос доверительно сообщил, что абонент выключен или находится вне зоны доступа.

Глава VII

Такси остановилось напротив дверей ресторана, Саша успела как раз вовремя. Отец ждал ее у дверей. Когда она подошла к нему, отец поцеловал ее в щеку, обнял одной рукой и открыл дверь, пропуская ее вперед. Они вошли в полутемный полупустой зал, где над каждым столиком висела лампа под стилизованным абажуром. Мужчина, взяв Сашу под руку, подвел ее к столику, где сидели две девушки.

– Познакомься, Саша, это мои девочки Маша и Наташа. – Он протянул руку ладонью вверх, указав на одну, потом на другую, приглашая их к знакомству. Видимо, он ждал, что девушки встанут, и если не кинутся в объятия к старшей сестре, то хотя бы протянут с улыбкой руки.

Но девушки даже не встали в ответ, ни улыбнулись, лишь одна из них, Наташа, слегка кивнула, а Маша осталась равнодушной к гостю. Отец трех дочерей растерялся, но лишь на мгновение. Он тут же взял себя в руки, пытаясь скрыть свое замешательство и, продолжая улыбаться, повернулся к сидящим девушкам.

– А это Саша. Моя старшая дочь, ваша старшая сестра. Прошу любить и жаловать.

Он отодвинул стул, пригласив Сашу сесть, усадил ее, потом сел сам.

– Я сделал заказ, не дождавшись тебя, Саша, надеюсь, тебе понравится мой выбор. Я хочу, чтобы сегодняшний вечер запомнился нам всем. Ты не возражаешь, Саша?

– Нет, – Саша улыбнулась.

– Саша оканчивает технический университет, – гордо сообщил отец и посмотрел на Наташу и Машу, – расскажите, чем занимаетесь вы.

Он хотел похвастаться достижениями двух своих дочерей, хотел показать, что он хороший заботливый отец. Что его две дочери тоже достигли определенного уровня, не хуже старшей, которую он не растил, но готов принять ее успехи за эталон, подведя к нему тех, кто был ему ближе и родней. Это маленькое соревнование, которое устроил отец для таких разных своих девочек, больно кольнуло Сашу, но она постаралась, не выдать своих чувств, продолжая улыбаться и с интересом ожидая рассказы младших сестер.

Но девушки продолжали сидеть, молча, с равнодушными масками на лицах, хотя было видно, что им давалось это трудно, и буря чувств скрывалась за их молчанием.

– Наташа учится на психолога, – отец стал помогать им начать беседу, – А ты, Маша, расскажи, кем хочешь стать ты. – Он повернулся к Саше, – Маша заканчивает девятый класс.

– Я не знаю, кем я хочу стать, – резко ответила девушка, уже и не пытаясь скрыть своего неприятия новой отцовой дочери, так неожиданно на них свалившуюся, и от которой неизвестно было что ожидать.

– Ну, как же! – кинулся ей на помощь радостный отец, подсказывая, – ты же хотела на журналиста учиться.

– Замечательная профессия, – прокомментировала Саша.

Маша опустила голову.

– Не знаю, – упорствовала она, – я еще не решила. А взгляд говорил: «Уж я точно не стану журналистом».

Саша заметила реакцию девушки, ей было досадно, что сестры ополчились на нее, еще не узнав ее. Она, кажется, не набивалась к ним в сестры. Но если уж так случилось, то можно было принять это проще, без истерик. Во всяком случае, она сама шла навстречу, не ожидая знакомства с сестрами, она, вообще-то, ждала встречи только с отцом, ни о каких «девочках» речи не было, и до такого негатива она опускаться не думала.

К их столику подошел официант, расставляя перед сидящими тарелки с закусками, а через некоторое время принес еще тарелки с каким-то рыбным блюдом.

Саша с интересом рассматривала девушек, больше не поддерживала разговор, а как бы со стороны наблюдая за происходящим. В такой натянутой обстановке Саше есть совсем не хотелось, было желание встать и уйти. Но ей не хотелось обижать своего пусть и далекого, но настоящего отца, ей было неловко за него, за отношение к нему его девочек. Возможно, они любили своего отца, возможно и он относился к ним, как любящий отец, но сейчас он ждал от них поддержки, и такое отношение к нему она считала недопустимым. Конечно, этот человек хотел примирить свое прошлое с настоящим, наверное, ему было необходимо это, и Саша готова была принять этих чужих колючих девочек как своих сестер, даже была готова подружиться с ними, приняв в свой круг и их общего отца, надеясь узнать его поближе. Но девушки явно были другого мнения, продолжая обижать отца.

– Ешьте, дорогие мои, – отец пытался спасти испорченный вечер.

Саша хотела отказаться от еды, сославшись на то, что совсем не голодна, но, увидев, что Маша так и не принялась за еду, а Наташа ковыряла вилкой салат, не пытаясь попробовать его, пожалела этого немолодого усталого мужчину, взяла вилку и стала есть.

– Очень вкусно, – улыбнулась она человеку, который так неловко претендовал на роль ее отца.

Мужчина, их общий отец, старался изо всех сил: уговаривал младших поесть, рассказывал смешные случаи из жизни младших, рассказал даже историю и про старшую, которую Саша не знала. Наверное, он чувствовал себя виноватым перед старшей дочерью, и таким образом хотел компенсировать то, что недодал ей, дав понять, что он помнит все, что связано с ней. Но Саша уже успокоилась, приняв ситуацию такой, какой она была в данный момент, решив, что вряд ли она и сестры будут общаться в дальнейшем. По крайней мере, если у Саши и было желание общаться с вновь приобретенными сестрами, то младшенькие это желание убили на корню, не дав ему созреть и вырасти.

Маша, не дав закончить очередную историю отца, надменно посмотрела на новоиспеченную старшую сестру и строго спросила гостью:

– Саша, а где вы проживаете?

– С мужем, на Соколе.

– У вас своя квартира?

– Нет, снимаем. А что?

– А денег вам хватает? Вы, видимо, ждете помощи от вашего нашедшегося отца? Думаете, он богат?

Саше стало одновременно смешно и горько от того, что все оказалось таким примитивным. Этих девочек не волновало то, что отец разделит свою любовь между ними и новой сестрой. Девушки боялись, что Саша покушается на их материальный достаток, а то еще и на жилплощадь будет претендовать, оттого и выпустили иголки, стараясь защититься от назойливой побирушки.

Саша не знала, говорил ли отец с Машей и Наташей о ней, если говорил, то – о чем. Но совершенно точно, он не говорил, что приведет старшую дочь жить к ним в дом, ведь Саша не бездомный котенок, которого несут в дом. Ей было неприятно за отца и стыдно за девушек. И она не смогла с собой справиться, делая вид, что ничего не понимает.

Официант подошел с новым набором тарелок с чем-то дымящимся.

Саша встала, взяла сумочку.

– Я, пожалуй, пойду, а то девочки останутся голодными, – и добавила. – Не волнуйтесь. У нас с мужем, уже можно сказать, в руках хорошие специальности. И мне от вашего отца ничего не нужно. – Она повернулась, чтобы уйти.

– Саша, – закричал подскочивший отец и взял ее за руку. – Не уходи! У нас еще десерт будет.

Саша остановилась.

– Когда я шла сюда, то думала только о том, что мы будем общаться, радовалась, что у меня будут новые родственники и подруги. Но, видимо, не судьба. Не провожай меня. – обратилась она к отцу.

Тот, не слушая ее, заторопился за ней, на ходу что-то объясняя не оглядывающейся девушке.

Саша не стала даже ждать такси, чтобы не стоять рядом с отцом. Совсем недавно, какой-то час назад, она ждала встречи с ним, ждала настоящего любимого и любящего отца, который и выслушает ее и поддержит, если будет надо, представляла, что и она бежит к нему по первому его зову. Но теперь горечь разливалась по ее душе, и две девушки-колючки, ухмыляясь, глядели на нее свысока. Она быстро пошла к метро, не дав отцу возможности оправдать своих девочек.

Она дала волю чувствам. Слезы навернулись на глаза. Она как будто наполовину ослепла, сквозь влагу почти не видя дорогу. Достала салфетку, вытерла глаза такими сильными и резкими движениями, как будто это глаза были виноваты в ее плохом настроении. С самого начала, как только она подошла к столику в ресторане, она была поражена тем, что там сидят девушки. Она мечтала о встрече, представляя, что проведет с отцом время, общаясь только с ним, и ни с кем больше. Она хотела поговорить с ним о многом, представляя, что они перебивают друг друга, поскольку накопилось несусветное количество вопросов и тем, которые надо было обсудить.

А вместо этого ей пришлось смотреть на сердитых девушек, которых надо было считать сестрами. Единственная ее сестра, которая была у нее до сих пор, не была ей близка ни по возрасту, ни по взглядам, и сестры виделись ей далекими, как звезды, когда знаешь, что они есть, но до них страшно далеко. Возможно, Саша и смирилась бы с существованием еще двух сестер, и постаралась бы если не почувствовать, то хотя бы представить их, а в последствии и сделать их родными и близкими, подружиться с ними, на худой конец. Но девушки сразу поставили барьер, который Саша даже не попыталась преодолеть, наверное, потому, что, во-первых, она не ожидала их здесь встретить, во-вторых, посчитала, что сестры для нее нечто далекое и чужое, а, в-третьих, они сами стали барьером, не допускающим ее к отцу. Отец тоже, как и девушки, стал для нее чужим мужчиной, обремененным чужими проблемами, но не человеком, которого она мечтала назвать «папой».

Всю дорогу, пока она ехала в метро, ей пришлось то и дело вытирать слезы, которые наворачивались на глаза, как только она вспоминала подробности неудавшейся встречи с отцом, и ругала себя за то, что дала согласие на это свидание. «Светка была права. – То ли успокаивала себя девушка, то ли спорила сама с собой. – Как не было у меня отца, так он и не появился. Хотя, конечно, он появился, появился в ресторане, но так и остался неосязаемым призраком. Теперь он точно больше не объявится. А если вдруг придет еще раз, то о чем с ним говорить? О его невоспитанных девочках? Убеждать его и его дочек, что мне не нужна материальная помощь? Что мне нужно просто общаться с ними? А мне это нужно? Жила я без них и еще проживу».

Глава VIII

Вспомнив, что едет домой, Саша представила сидящего за ноутбуком Сережу, и решила сегодня приготовить ему что-нибудь вкусненькое и обязательно заставит его принять ее помощь. Вместе они быстро сделают дипломную. Когда она вышла из гастронома, объемный пакет хорошо оттягивал руки. Главное, что идти недалеко.

Пока она делала покупки, настроение улучшилось, забылись слезы, а на первое место вышел любимый муж.

– Сережа! – с порога закричала она радостно. – Встречай!

Никто не вышел. Закрытая дверь даже не приоткрылась. Но за ней послышалась возня.

Саша поставила пакет на пол, надела тапочки и вошла в комнату.

Лучше бы она не заходила.

Сережа, стоя в плавках и балансируя на одной ноге посреди комнаты, пытался надеть джинсы, но нога застревала в штанине, он качался, припадал на другую ногу, и повторял попытку. А на кровати, на ее кровати сидела, завернувшись в ее простыню, и тоже пыталась одеваться... Кто угодно, только не она. Кажется, у Саши даже волосы встали дыбом. Она потеряла дар речи, только рот открывала, слов не было слышно. Она повернулась и выскочила из комнаты, скинула тапочки, хотела быстрее обуть туфли, зацепила пакет, из которого стали вываливаться продукты. Она успела только схватить свою сумочку и ключи, чтобы закрыть ненавистную дверь. Дверь, которую она не придержала, захлопнулась со страшной силой.

Саша шла быстрым шагом по улице, не зная, куда идет. Самые различные чувства настолько смешались в ней, что она даже не могла заплакать. Это была и обида на Сергея, и страх, что все рушится, и унижение, которое она испытала, увидев именно эту женщину.

Она долго шла по улице, потом свернула раз, другой, пока, наконец, ей не стало легче. Она глубоко вздохнула, как будто только что вынырнула из воды, и подумала о том, что ей надо где-то переночевать. Идти к матери – этот вариант он отмела сразу. Будут спрашивать, сочувствовать, а потом, когда она закроется в комнате, за стенкой начнутся обсуждения, предположения, домыслы. Нет. Она этого не вынесет. Хорошо, что телефон положила в сумку.

Она позвонила Светлане.

– Да, я уже дома. Переночевать? Конечно, можно. Приезжай. – Ответила подруга.

Добираться пришлось больше часа, подруга жила в другой части города, в Кузьминках. Пока ехала в метро, она не то, чтобы успокоилась, а сгребла все чувства и мысли в кучу, свалила в тряпку, завязала концы, превратив все в узел, и взвалила груз себе на плечи, оставив переживания до приезда к подруге.

Светлана жила с матерью и бабушкой, втроем они были очень дружны, почти как подружки. У каждой была своя комната, но они любили проводить время вместе, рассказывая друг другу новости. Сашу они знали хорошо. Девушки дружили с первого курса, и Саша частенько приезжала к ним и в гости, и заниматься. Но после того, как Саша стала снимать квартиру вместе с Сергеем, она редко гостила у подруги, теперь Света ходила к ней в гости. Но все равно Саша шла к ним, как к родным, они были ближе ей, чем мать с отчимом, которым она даже не решилась бы рассказать что-либо подобное.

Саша не помнила, как пришла к подруге. Она была настолько бледна, глаза метались из стороны в сторону, словно пытаясь взглядом за что-нибудь зацепиться, что Света сразу же позвала на помощь маму и бабушку, а те повели Сашу на кухню и начали отпаивать ее ромашковым чаем. Она пила чай, не слыша вопросов, не чувствуя заботы этих добрых женщин, и вдруг начала плакать.

– Вот и хорошо, – Светина бабушка, Евгения Львовна, погладила Сашу по плечу – поплачь. Легче будет. Поплачь, девочка, поплачь. Бабы слезы, что вода.

– Нет, Женечка, слезы – жемчужина страданий. – Изрекла Света.

Мать и бабушка посмотрели на нее удивленно, но ничего не ответили на такое изречение.

Спорить или соглашаться было неуместно.

– А помнишь Юльку? – пыталась отвлечь Сашу подруга.

– Нет, – всхлипнула Саша, подняв глаза. – А кто это?

– Мы ее с тобой в кафе встретили. В школе она была просто Юлкой, а теперь мадам с большим самомнением – Юлиана. Кто бы мог раньше подумать! – Девушка засмеялась, кивая головой, как будто приглашая и Сашу смеяться вместе с ней.

Но Саша продолжала плакать.

Все ждали молча, когда Саша выплечется и начнет рассказывать.

Саша начала рассказывать, но плакать не перестала, всхлипывая, вытирая слезы ладонями. Света подала ей открытый пакетик бумажных салфеток, Саша вытянула одну, расправила, вытерла глаза, высморкалась и стала продолжать. Начала говорить и опять заплакала. Она рассказала все, но так и не смогла назвать свою разлучницу.

– Так, кто там был с Сергеем? – не выдержала Света.

Саша услышала имя Сергей и опять безудержно заплакала.

– Янка. Там была Янка.

– Ух! – выдохнули все три женщины, окружившие гостью.

– Вы ее знаете? – вытирая слезы, спросила Саша у Евгении Львовны и Ксении Андреевны.

– Да кто ж ее не знает? – разошлась Ксения Андреевна, мама Светы. – Дрянь!

– Стерва! – добавила Евгения Львовна.

– Коза драная! – не удержалась Света, выпалив свое любимое ругательство.

– Ты рассказывала про нее? – Саша подняла брови. – Как она к нам подходила.

– Рассказывала, – выпалила Светина бабушка. – У нас-то секретов нет друг от друга.

– Знаю, – одобрила Саша. – У вас хорошо, лучше, чем у моей мамы. – Она представила, как ее молчаливая, всегда выдержанная мама вскрикивает «дрянь» или «стерва» и улыбнулась, хотя и не очень весело.

– Ну, вот, улыбнулась. Жить будешь. Все переживешь и простишь.

– Нет! Никогда! – выпалила Саша и заплакала, по-детски вытирая глаза кулаками. – Н-н-никогда не п-п-прощу его.

Саша всхлипывала, взяла еще салфетку, вытирала слезы, сморкалась, потом опять брала салфетку. И никак не могла остановиться. Бледное ее лицо как будто уменьшилось, а нос стал красным. Тушь с ресниц, растертая салфетками, уложила тени под глаза. А когда начинала с новой силой реветь, становилась совсем некрасивой.

Женщины дали ей выплакаться. Они смотрели на эту юную женщину, как на ребенка, обиженного и страдающего, представляя, каково это пережить предательство в столь ранней молодости, еще не успевшей набраться опыта по преодолению трудностей суровых поворотов судьбы.

– Совсем еще ребенок, – заметила Евгения Львовна. – Куда же нам, женщинам, без прощения.

– Вопрос спорный, – не согласилась с ней Ксения Андреевна. – Простишь одни раз, другой, а потом все войдет в привычку.

– Если бы ты, Ксюша, простила однажды моего отца, может быть, я не была бы при живом отце сиротой. – Тихо промолвила Света.

Она с детства привыкла называть маму Ксюшей, а бабушку – Женей. Сначала мать в шутку стала называть всех по именам, у маленькой Светы проскальзывало то мама и бабушка, то Ксюша и Женя. Бабушка сначала протестовала, но это было так мило, когда малышка про-

износила Ксюша и Женя, что вскоре все к этому привыкли. А теперь уже никто и внимания не обращал на такие обращения.

– Дай Бог тебе, Светушка, не стоять перед выбором: жить или уйти от мужчины, который тебе изменяет. – Мать произнесла это шепотом, боясь накликать такое дочери.

Света задумалась, представив своего нового возлюбленного с другой женщиной, но не смогла. Перед ней был только он, а рядом – она сама. Ксения вспомнила разлад в своей семье, закончившийся развалом семьи. Она корила себя за развод, и в то же время не чувствовала за собой вины.

– Мы даже не ссорились. Так, слегка, – прервала паузу Саша. – А в последние дни у нас были прекрасные отношения. – Она вдруг задумалась, как будто не поверив себе. – Вот только...

– Что? – хором спросили три женщины.

– У него дипломная работа не ладилась.

– А какая связь между дипломной и изменой жене? – резко заметила Светлана.

Все замолчали, пытаясь обнаружить в этом хоть какую-то связь.

– Да у нее же отец – ректор, – обрадовалась Евгения Львовна найденному решению.

– И что? – не поняла Саша.

– У Яны отец ректор. Возможно, он хочет уладить вопрос с дипломной, – предположила радостно женщина.

– Нет. Я предлагала ему помочь, а он наотрез отказался. – Стояла на своем Саша.

– Скорее всего, он не разлюбил тебя, деточка, – все так же радостно объясняла Евгения Львовна, – просто хочет помощи ректора.

– Через его дочку? – Саше сдавило грудь, она с трудом набрала воздуха. – Я поняла, если бы это была любовь, – тихо добавила она, как будто простонала. – А так...

На Сашу больно было смотреть. Лицо у нее сморщилось, как будто ей дали выпить горькую микстуру, заставив еще облизать противную ложку.

Девушка уже не плакала, но была настолько подавлена, что женщины растерялись, не зная, как утешить ее. Саша испила до дна весь ужас произошедшего, и, кажется, только что поняла это. Дальше дороги не было. Она помолчала. Потом неожиданно встрепенулась.

– Кажется, я нашла отца. Но он так любит своих дочерей, что мне нет места в его жизни. – горькая улыбка коснулась ее губ.

Пришлось рассказать о встрече с отцом и его дочерьми, девушка уже не плакала, но была бледна и изредка вытирала одинокую слезу.

Саша добивала себя. Она не прощала не только своих родных людей, отца и мужа, она не могла простить себя, позволив им растоптать себя. Два события за один день превратили счастливую студентку в испившую все горести старуху.

Евгения Львовна соскочила и начала разогревать ужин. Ксения Андреевна достала из шкафа бутылку вина, налила полный бокал и подала Саше.

– Кажется, чаем тут не обойдешься, – констатировала она.

– Вы не бойтесь за меня, – гостья отодвинула бокал, – все худшее уже случилось. Мне пора идти. – В эту минуту совсем не думалось о том, куда она пойдет сейчас, сегодня, она договаривалась ночевать здесь, у подруги, скорее мысли были о том, куда она денется после измены мужа, и как жить дальше.

Последние слова она произнесла таким надсадно треснувшим голосом, что Ксения Андреевна не решилась отпустить ее куда бы то ни было.

– Пей! Останешься у нас. Ляжешь у Светы в комнате, диван свободен. А завтра будет видно, что и как.

Саша представила развалины своего счастливого дома, выпила залпом стакан вина и осталась у этих гостеприимных людей ночевать. Потом осталась еще на день, и еще, не желая возвращаться к матери.

Глава IX

Следующие дни прошли для Саши как в черно-белом кино, где обошлось даже без полутонов. Без радости, без удивления, без переживания, без стенаний – словом, без эмоций. Заметили все, что вместо жизнерадостной сокурсницы образовалась черная дыра, будто ее заменили автоматом, который, не переставая, штамповал какие-то железки, вместо того, чтобы варить кофе и выдавать чипсы, при этом инженеры чесали затылки, не понимая, что произошло.

Несколько раз к ней подходил Сергей, пытаясь отвести в сторону, чтобы поговорить, но, глядя на него сомнамбулой, она поворачивалась к нему спиной и уходила прочь. Выбрав время, когда Сергей находился в университете, Саша вывезла из квартиры свои вещи, не забыв своих кошек, и оставила на хранение у матери.

Сергей тоже ходил по университету черной тучей, временами извергая громы и молнии, когда товарищи допекали его вопросами. Никто не понимал, что произошло с этой счастливой семейной парой, однокурсники пытались узнать, спрашивая друг друга, но никто не знал ответа, ситуация обростала домыслами и снежным комом прокатывалась по предположениям, которые делали студенты. Всем хотелось знать, что же случилось, но Сергей и Саша молчали, молчали Света и Яна. И только в день вручения дипломов пронесся шепоток, вслух никто не осмелился озвучить эту новость, что Сергей Чехонин и Яна Заславская подали заявление в загс.

Самые любопытные откровенно вглядывались в лицо бесстрастной Саши Костровой, которая так и не успела сменить свою фамилию на Чехонину. Даже самые талантливые в физиогномике студенты не могли продемонстрировать свои способности: лицо Саши было закрытой книгой для них. Тут же они разглядывали счастливую Яну, скакавшую кузнечиком среди однокурсников, но не могли принять такого ее резкого весеннего оживления, поскольку давно привыкли, что Саша и Сергей любят друг друга, и было непонятно, почему вдруг теперь появилась пара Сергей и Яна. Никто так и не узнал, что же произошло в действительности.

На фоне счастливых, улыбающихся до ушей, студентов, получающих дипломы в торжественной обстановке, Саша была чужой и отстраненной, равнодушно получив красную книжицу, на секунду улыбнулась, как бы говоря: «Да, я знаю, что диплом, да, красный, ну, и что?». И только Сергей, один из всех студентов, кажется, был не рад, получая диплом.

Получив дипломы, новоиспеченные специалисты собрались в зале, чтобы обговорить последние приготовления к выпускному вечеру. Саша не пошла, объяснив, что ей нет дела до чужих праздников. Света не пошла бы из солидарности с подругой, но у нее были другие планы. Через два дня она уезжала со своим Константином в Новороссийск, где они поженятся. Через неделю туда приедут ее мама и бабушка, самые родные ей люди, без которых свадьба не может состояться, по словам Светы.

Света приглашала и Сашу приехать на свадьбу, но Саша вяло отказывалась, разрыв с Сергеем словно придавил ее огромным камнем, и она распласталась под ним расплывшейся лужей или амебой, которая еще шевелилась, но жизни в ней почти не осталось. Подруга приглашала ее в ресторан, где она знакомила своего жениха с родными, Саша, как она сказала, тоже входила число родственником. Саша и здесь отказалась, видимо, ей тяжело было веселиться на таком торжественном мероприятии.

На выходе из университета девушки столкнулись с Иваном Даниловичем. Он очень обрадовался, увидев девушек. Он вел у них лекции на втором и четвертом курсах, а у Саши к тому же был руководителем дипломной работы.

Он захотел поговорить с Сашей, отведя ее в сторону, а Света вышла на улицу, чтобы не мешать им.

Иван Данилович, профессор, заведующий кафедрой, был любимцем малочисленных девушек факультета, да и мужская часть студентов относилась к нему с не меньшим уважением. Студенты стремились выбрать его в руководители курсовой работы или дипломной, зная, что он требовательный преподаватель, и в то же время относится к студентам с большим уважением. Он всегда обращался к студентам только на вы, называя их по именам, а не по фамилиям, как это делали многие другие преподаватели, от студентов требовал аккуратности, пунктуальности и усидчивости. Можно сказать, что этого требуют и другие преподаватели, но профессор был сам образцом этих качеств, и не только требовал их от молодых людей, но и своим примером, без скучных лекций по этому поводу, прививал студентам эти и другие деловые качества. А после эти студенты частенько подтягивали своих товарищей до надлежащего профессорского уровня, и никто не обижался, считая это нормой. Ему можно было доверять, он внимательно выслушивал причины, по которым студент что-либо не выполнил, но при этом требовал, чтобы те честно рассказывали об истинных препятствиях, а не выдуманных. Он не терпел лгунов, всегда понимая, когда студент лжет или говорит правду. Ярые вруны пытались даже проверять его способности определять их выдуманные версии, и всегда попадали впро- сак.

Ко всему профессор был красивым мужчиной. Высокий, статный, подтянутый, говорят, его часто видели на велосипеде, а некоторые утверждали, что профессор, как ребенок, летом катается на роликовых коньках, а зимой на льду ему нет равных. Ему за пятьдесят, но выглядел он молодо, седина лишь тронула виски, в глазах светился лукавый блеск. Поэтому не одна Света готова была потерять голову из-за этого преподавателя.

– Саша, как ваши дела? Я не видел вас после вашей блестящей защиты. Что-то вы очень грустная, даже получая диплом, вы казались чем-то слишком удрученной.

– Все нормально, Иван Данилович. Так, некоторые проблемы личного характера, но, как говорит моя мама, перемелется – мука́ будет. – Она не могла врать, но и говорить правду не было сил. Хотя именно этому человеку она могла бы доверить свою тайну, чтобы услышать от него хороший совет. Он часто давал ей советы по каким-то небольшим проблемам до этого времени.

– Ну, я думаю, что вы примете правильное решение. Я в вас не сомневаюсь. Вы умная девушка. Но вот что я хотел вам предложить. Вы обязательно должны поступать в аспирантуру в этом году. Я вам уже говорил об этом, но повторюсь еще раз, чтобы вы не передумали.

– Да, да. – она опустила голову. – Я еще подумаю об этом.

– И еще один вопрос. У меня случайно оказались билеты в театр на Таганке, задействованы ведущие артисты. Не хотите ли пойти со мной?

– М-м, спасибо. Не знаю, что сказать.

– Не спешите. Спектакль будет через две недели. Надумаете, позвоните мне. Хорошо?

– Да, конечно. Обязательно позвоню.

Они распрощались. Профессор пошел к лестнице, а Саша вышла к ожидающей ее подруге.

Саша ничего не сказала Светлане о приглашении ее в театр, она помнила веселый разговор подруги о быке и рогах и не хотела сейчас выслушивать от нее шутки. Это никак не подходило к ее состоянию.

Она последний раз переночевала у Светы, помогая ей собираться в дорогу, спокойно взирая на Ксению Андреевну и Евгению Львовну, которые охали и ахали, причитали, давали наставления Светику. Саша один раз высказала свое суждение о том, что у подруги с ее избранником слишком большая разница, на что та ответила.

– Помнишь, я дружила, ну, у меня были отношения с Семкой Русаковым, с Димкой Усатовым, с Сергеем Долиным, с нашими ребятами с курса. Кажется, был кто-то еще. Но все было несерьезно, как-то мелко. А с Костей, кстати, ему не сорок, а всего лишь тридцать четыре, у

нас все по-другому, мы не дети, которым нужны игрушки, мы серьезные люди, и хотим прожить всю оставшуюся жизнь вместе. Выглядит он, конечно, старше, потому что у него большие залысины, и он не такой стройный, как Иван Данилович, но это ведь не должно портить мужчину.

– Я рада за тебя, подруга, – улыбнулась Саша. – Конечно, не портит. Но, ты прости меня, я не могу появиться на твоей свадьбе бабой-ягой.

– Какая же ты баба-яга? – Света забавно выкатила глаза и удивленно подняла брови.

– Такой я себя ощущаю, и внешне, и внутренне, ни к чему не годной старой бабкой. Мне нужно срочно выйти на работу, отвлечься. Как только возьму себя в руки, я приеду, но позже, если захочешь.

– Уже хочу, и буду ждать тебя. – Света боялась заглядывать в тусклые глаза когда-то жизнерадостной подруги.

Девушки обнялись, плохо представляя себе расставание. На сколько? Надолго? Возможно, навсегда? Им казалось, что они могут расстаться ну на неделю, ну на две, не больше. Весь мир был у их ног, разве могли они затеряться в пространстве или во времени? Так устроена жизнь, что расставание может понять только тот, кто выпьет эту чашу до дна.

Проводив подругу, Александра вернулась к матери. Можно было бы снять квартиру, но в данный момент у нее не было средств на это, а просить у матери она отказалась: теперь она уже не студентка, а специалист с дипломом, и может сама себя обеспечить. Это в идеале. А практически, пока она не получит энную сумму за свой труд, то есть первую зарплату, о съемной квартире придется только мечтать.

Мать, встретив младшую дочь, не проявила ни радости, ни удивления, словно та ушла вчера, а сегодня вернулась. Только спросила:

– А где Сережа?

Мать посмотрела на Сашу. Глаза дочери сказали больше, чем она смогла бы объяснить, в них была боль и усталость, и мать больше не стала спрашивать. А может быть, ей было просто не интересно. Саша привыкла, что мать никогда не вмешивалась в ее личное пространство, и никогда, даже когда она была школьницей, не расспрашивала ее о занятиях, о друзьях, и чем-либо еще. Если мать не проявляла к младшей дочери особого внимания, то, что можно было сказать об отчине, который тем более не лез к девочке с расспросами, или о старшей сестре, которая никогда не воспринимала Сашу, как родного человека. Когда Саша родилась, Марианне было десять лет, это возраст, когда человек уже может понять, что теперь ее мать, не будет уделять ей столько времени, когда она была единственным ребенком. И Марианна поначалу просто не подходила к малышке. Когда ребенок подрос, мать отправляла Марианну гулять с ним, усадив его в коляску. Это было страшным наказанием для старшей сестры, и она всячески старалась избежать его, прикрываясь уроками, которые надо было срочно делать или сообщала матери о плохом самочувствии. Простая ревность переросла в неприятие сестры, и, становясь старше, Марианна выработала снисходительно-отчужденное отношение к младшей сестре, тем более, что между ними не было никаких точек соприкосновения, разница в возрасте оказалась на первом месте. Когда Марианна вышла замуж и у нее появились свои дети, младшая сестра перешла в разряд таких родственников, как и отчим: они есть, но для ее жизни они не нужны.

Саша прошла в свою комнату, в которой она так долго не жила, больше трех лет. Мать ничего не меняла в комнате, даже занавески висели те же, что и при Саше. Все было на своих местах: мебель, книги, кошки, которых она привезла совсем недавно. Только не было счастья, которое она увезла отсюда три года назад, и не вернула его теперь, возвратившись назад. Она обошла комнату, потрогала корешки книг, мягкие игрушки, выглядывающие из детства, отодвинула занавеску и выглянула в окно, отметила про себя, что пыли не было ни на книгах, ни на подоконнике, ни на столе. Легла на кровать, вытянувшись на спине и подложив под голову руки. Как будто никуда не ходила. Три года выпали из ее жизни.

Мать позвала ее с кухни, предложила поесть. Но есть не хотелось. Хотелось так лежать, чтобы никто не звал, никто не обращал на нее внимания, и не расспрашивал ни о чем. Расспросов она боялась больше всего, хотя знала, что мать расспрашивать не будет, но от этого было только хуже – равнодушие матери терзало еще сильнее. Саша вспоминала, как здорово было у Светы дома, где три женщины понимали друг друга с полуслова, и уж они не оставили бы в покое дочку и внучку, если бы та пришла в подобном состоянии.

Саша вспомнила свой первый приход в Светин дом. Мама и бабушка встретили Сашу как родную, и так легко и быстро она нашла с ними общий язык, что не хотелось уходить от них. Сашу поразило Светино обращение к матери и бабушке – Ксюша и Женя, и она, придя домой, стала обращаться к матери – Любаша. Но мать не оценила, не поняла, что это было стремлением дочери приблизиться к родному человеку, и строго пресекла такое панибратство. После этого Саше долго не хотелось даже произносить слово «мама», не то, чтобы называть мать по имени.

И сейчас, если бы мать пришла к ней в комнату и стала спрашивать у дочери, что с ней случилось, Саша стала бы кричать и топтать ногами, подняв шум на весь дом. Но при этом она была бы счастлива, что рядом с ней ее любящая мама, и закончилось бы это тем, что она разрыдалась бы у нее на плече, почувствовав облегчение. Так бывает, когда вскрывают болезненный нарыв, да, страшно, да, больно, и хочется убежать, только бы не дать поднести к себе скальпель, но после, вытерев со лба пот, чувствуешь ни с чем несравнимое облегчение, ведущее к выздоровлению.

Но мать не пришла. А Саша, преодолевая боль, старалась не чувствовать... не дышать... не жить...

Она так и уснула, не раздеваясь, не разобрав кровать. Солнце давно поднялось, осветив все уголки после долгой ночи, не принесшей Саше облегчения, и давившей ее мученическими снами.

Глава X

Вспомнив, что сегодня надо идти устраиваться на работу, Саша обрадовалась. Все, что угодно, только не думать, не вспоминать о Сергее. Она соскочила с кровати и пошла в душ. Постояв под горячей водой, она открыла на полную мощь холодную воду и, закричав от неожиданности, после нескольких секунд такого экстрима почувствовала, наконец, облегчение после тягостной ночи.

После душа, принесшего свежесть и какую-то физическую легкость после тягостной ночи, Саша прошла на кухню. Мать и отчим уже ушли на службу. На кухне мать оставила ей завтрак: два вареных яйца, сыр, масло, батон в нераскрытой упаковке. Сварила кофе, сделала пару глотков, потом съела кусочек сыра и спокойно стала наслаждаться черным кофе.

От любимого напитка ее оторвал звонок. Звонил Стас. Саша долго не могла понять, какой Стас. Наконец вспомнила, что это тот мажор, которого они встретили с подругой в кафе. Он просил ее о встрече. Сегодня. Да хоть сейчас. Разговор важный. Она согласна. Работа немного подождет. У нее было два варианта места работы. Сегодня она решила побывать в обоих, но поскольку она не договаривалась, это можно было сделать чуть позже.

Она условилась встретиться со Стасом через час в том же кафе, где они познакомились, на Лефортовской набережной, значит, она успеет допить кофе, собраться и добраться вовремя до места встречи.

Саша была заинтригована предстоящим разговором. Их знакомство в кафе не предполагало продолжения, и его звонок очень удивил ее. Они принадлежали к разным мирам, и это наложило отпечаток на их знакомство. Саша сразу же забыла о нем, так же и Стас должен был забыть ее. Что же такого важного мог он ей рассказать?

Саша решила не мучить себя догадками. Пусть все выяснится при встрече. Главное, она вольна делать, что ей хочется, и никому об этом не докладывать, стала она себя убеждать, вспомнив прошлую жизнь с Сережей, теперь ей некому объяснять, куда и зачем она идет. Она долго убеждала себя в том, что она свободная самостоятельная женщина, мудрая и рассудительная, и все ей в жизни удастся, но не смогла себя в этом убедить, только расстроилась от воспоминаний.

Когда она подошла к столику, за которым уже сидел Стас, молодой человек поднялся, взяв букет роз со стола, подошел к ней, поцеловал ей руку и преподнес цветы. Потом усадил ее, пододвинув стул, и сел на свое место.

– Спасибо, – ответила односложно она, поблагодарив и за цветы, и за внимание.

Саша уловила нежный аромат с примесью сигаретного дыма, такой одеколон или что-то подобное она дарила Сергею ко Дню Защитника, от этого запаха и от воспоминаний, нахлынувших не к месту, у нее забило сердце. Мажор был в черных брюках и в черно-белую полоску рубашке с черным воротником, верхние пуговицы небрежно расстегнуты, движения плавные, улыбка открытая и искренняя – было в нем что-то от грации пантеры.

Подошел официант, взял у Саши цветы, чтобы поставить в воду. Молодые люди продолжали молчать. Саша смотрела на мажора спокойно, ожидая, что тот начнет говорить первым, она была лишь гостьей и не хотела навязывать пустой разговор о пустяках, ждала, когда заговорит он.

«Я пришла сюда не для пустых разговоров, подожду, когда ты соизволишь начать», – говорил ее взгляд.

Мажор тоже молчал, улыбаясь, разглядывал девушку внимательно-вопросительным взглядом.

«О каких пустяках может рассказать твой милый ротик? Ну же, спроси?» – мысленно вопрошал он.

Официант принес меню, положил перед ними, отвлекая их от безмолвного диалога. Саша не шевельнулась, и не подумав открыть пухлые корочки.

Поняв, что девушка не рвется к разговору, мажор начал с еды.

– Давай закажем что-нибудь пожевать, а потом поговорим. Что ты будешь есть?

– Кофе. Черный. – спокойно ответила она.

Мажору понравилось, что девушка не жеманничала, не кривлялась и не устраивала представления. Просто была собой.

– Ну, хорошо. Ты не против, если я сам закажу?

– А мы уже на ты? – холодно, но мирно спросила Саша.

– Давай без церемоний. Мы одного возраста, зачем все усложнять.

– Если не считать, что мы из разных миров, можно учесть и возраст, – примирительно кивнула она.

Он доброжелательно ухмыльнулся, назвал несколько блюд подошедшему официанту.

– И красное вино. Ваше, фирменное.

И повернулся к девушке.

– Здесь хорошее вино. – Огляделся, как будто собираясь с мыслями. – А давай предположим, что мы давно знакомы.

– От этого ты не будешь лучше знать меня, а я – тебя. А вино я не буду. У меня сегодня две деловые встречи. – не стала она вдаваться в подробности.

– Хорошо. Этот твой тон. Ты так холодно со мной разговариваешь, что я боюсь сказать тебе то, что совсем недавно казалось мне простым и естественным.

– Не похоже, чтобы ты боялся меня.

– Нет. Тебя, пожалуй, я не боюсь. А вот предлагать что-либо тебе боюсь.

Теперь ухмыльнулась довольная Саша.

– Я согласна тебя выслушать. Обещаю, что не буду тебя пугать.

Когда официант принес еду, Саша без пререканий начала есть, вспомнив, что утренний кофе подготовил ей почву для аппетита.

Стас тоже ел и одновременно тайком наблюдал за Сашей. Ему понравилось, как она ела. Он был доволен увиденным, и это придало ему решимости сделать необычное предложение девушке.

Он положил нож и вилку.

– Саша, в ближайшее время я еду в Барселону на несколько дней. И прошу тебя поехать со мной. – Он смущенно улыбался.

– Я? Меня? В Барселону? – Саша настолько была удивлена и шокирована предложением, что даже не пыталась скрыть свои чувства.

Стас был приятно удивлен и обрадован, такой реакцией на его предложение – значит, он не ошибся. В каждом слове и в каждом жесте девушки были видны искренность и естественность, что весьма ему импонировало.

– Всего лишь на три дня. У меня там дело одно есть. Обещаю не докучать тебе. Посмотришь город, сходишь на пляж. На третий день вернемся обратно. Это не так уж много, – подытожил он.

Саша сидела, молча, стараясь осознать реальность его предложения. У нее не получалось. Она не могла понять мотива его поступка. У того была Юлиана. Возможно, у них все было несерьезно, хотя казалось, что они пара, а не случайные знакомые. Саша ему нравится. Другого варианта у нее не было.

– Ты можешь подумать. Но только полчаса, не больше, пока поедем и выпьем кофе.

«А вдруг в Барселоне он сделает мне предложение? Я выйду за него замуж. Хотя... Он совсем мне не нравится, зря, что симпатичный. Зато Сережка узнает и... Возможно он отложит

свою свадьбу. Или очень пожалеет, что женился на этой дуре Янке. Боже мой! Где же я возьму столько денег? – Вдруг ужаснулась она своим мыслям.

– Спасибо. Я не смогу.

– Почему?

«Ну, как ему сказать, что у меня нет денег?» – Это было для нее пыткой. Она и стеснялась, и боялась говорить об этом вслух.

– Почему? – повторил он настойчиво.

– Я пока еще не заработала на такую поездку, – покраснела она.

– Это не может быть препятствием. Главное, чтобы ты хотела. Все расходы я беру на себя. Вплоть до карманных расходов.

– С чего вдруг такая щедрость? – Не утерпела спросить Саша.

– Если девушка красивая, то почему бы не сделать ей такой подарок, – уклончиво ответил Стас, обворожительно улыбаясь.

Саша приняла комплимент и решила, что нравится ему.

«Почему бы и нет». – подумала она, представив, как бьется головой об стену Сергей, узнав о ее свадьбе с мажором.

– Я согласна. – Рухнула в бездонную пропасть Саша.

Прошло два дня в ожидании поездки. Саша отложила устройство на работу и безуспешно пыталась сложить чемодан. Что же взять с собой? Она пересмотрела свои вещи: одни уже надоели, другие не подходили для поездки. С трудом отобрала джинсы, шорты, два платья, купальник и пару маек, и еще кучу мелочей, которая могла понадобиться ей там. Стас звонил два-три раза в день, спрашивал про паспорт, подсказывал, что брать, просил не набирать вещей, бросив, между прочим: «Там купим».

– Боже мой! Всего три дня! Когда же там бегать по магазинам? – спрашивала себя Саша.

Кажется, она никогда так не переживала.

Как только самолет начал набирать высоту, мажор сразу же натянул на глаза спальную маску и попросил не будить его. Саша даже не пыталась уснуть, она решила, что надо быть бесчувственным бревном, чтобы спать в то время, когда она первый раз летит за границу, в город, о котором только мечтала, учась в школе. Она видела в Интернете на картинках достопримечательности Барселоны, но чтобы увидеть все воочию, казалось ей несбыточным. Она никому не сказала о своей поездке. Мать предупредила, что будет ночевать у подруги, а Света уже уехала в Новороссийск, так что и говорить, особо, было некому.

Стас спал. Саша разглядывала его спальную маску. Она была черного цвета, а во всю ее ширину были нарисованы зеленые узкие зрачки кошки или пантеры. Саша улыбнулась, представив, как будут вздрагивать стюардессы, увидев вместо человеческих глаз зеленые зрачки зверя.

Всю дорогу она, находясь в легкой эйфории, представляла, как она со Стасом ходит по городу, и мажор показывает ей знаменитые здания архитектора Гауди, площади, фонтаны, соборы. Она представляла своего спутника с легкой улыбкой на лице, которую она видела в кафе на Лефортовской набережной. А больше она нигде с ним и не была – удивилась она своему открытию. А потом еще больше удивлялась, что летит с этим малознакомым мужчиной на край света, в чужую страну, и если случайно оказалось, что она летит на седьмом небе, то небо вовсе и не ее. Волосы поднимались у нее дыбом от страха за содеянное, но вернуться она не может. Что уготовила ей судьба, которую она обхитрила. И одна только мысль успокаивала, что Сережа, ее Сереженька, будет долго горевать, узнав, что она вышла замуж за красавца и состоявшегося мужчину.

Пока они ехали из аэропорта в гостиницу, Саша жадно смотрела в окно, пытаясь запечатлеть движущиеся картины на свой телефон, иногда радостно восклицая. Стас даже не смотрел в окно, на лице его лежала какая-то усталость, и выглядел он помятым, хотя и спал все

четыре часа полета. Он только один раз насмешливо глянул на Сашин телефон. Хорошо, что Саша этого не заметила.

Было уже шесть вечера, когда они остановились в отеле «Port Vell». Это было старое здание, хорошо отреставрированное.

– Этот район называется Барселонета, тут всего метров двести до гавани Порт-Велл. – Он ткнул пальцем в сторону. – Как видишь, название у отеля такое же. – Снисходительно объяснял Стас.

Их поселили в номере на четвертом этаже. Номер Саше понравился, в современном стиле, в спокойных белых и бежевых тонах. Номер оказался с видом на бухту, где стояли маленькие и большие пассажирские суда. Саша была в восторге. Большая кровать под белым покрывалом заставила ее сделать глубокий вздох, а стеклянная тонированная, почти прозрачная, дверь в ванну немного удивила ее. «Вместо телевизора»? – Спросила она шепотом кого-то невидимого.

Пока Стас был в душе, она, стараясь не смотреть на дверь, распаковала вещи, повесила все в шкаф, между делом рассматривая за окном гавань.

Выйдя из душа, Стас лег на кровать.

– Иди в душ, – предложил он ей, а увидев ее смущение, добавил – смотреть не буду. Отдохнем немного и пойдем в один уютный ресторанчик на набережной, поедим отменную паэлью с рыбой.

Саша осторожно прошла в душ. Она любила стоять под душем, и могла это делать, не следя за временем. Если бы Стас пропустил Сашу вперед, ему пришлось бы понервничать, дожидаясь ее. А когда она открыла воду и, перепутав краны, открыла холодную воду, радостно взвизгнула, а потом долго наслаждалась теплой водой, совершенно забыв о стеклянной двери.

Через час они уже собрались выходить. Стас неожиданно протянул ей телефон.

– Возьми себе, он делает классные фотки, – оценил он тонкий серебристый прямоугольник.

– Да это же айфон последней марки! – воскликнула, обрадованная подарком, девушка.

– Нет. Последний айфон у меня. А этот, предпоследний, мне без надобности. Забыл выбросить. Симку я заберу. Переставь свою и запиши мой новый номер. Кстати, я положил на твой номер деньги, можешь позвонить домой. А фотки точно будут лучше, чем на твоей старой мобиле.

Восторгу девушки не было предела, она начала рассматривать подарок, даже не подумав о том, что ей подарили то, что не успели выбросить. Потом привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Он был готов к этому, схватил ее в охапку и страстно приник к ее губам. У нее все похолодело внутри, но не от радости, было не то, чтобы неприятно, просто терпимо. Сглаживал все запах сладкого, с горчинкой, одеколону, которым были пропитаны его тело и одежда. Запах был не тот, который почувствовала Саша, встретившись с ним в кафе.

– А пойдем завтра утром сходим на пляж. Ты знаешь, где здесь пляж?

– Знаю. Только я завтра пойду по делам, а ты сходи, куда захочешь.

– Одна? Я не заблужусь?

– Выйдем вместе. Я покажу, куда идти. Здесь ходьбы до бульвара Рамблас всего ничего. Я покажу, куда идти.

– Еще я хотела бы посмотреть на здания Гауди.

– Я дам тебе немного денег и пластиковую карту. Возьмешь такси. Я весь день буду занят. Так что поешь в городе, в каком-нибудь кафе. Можешь купить себе что-то из одежды и сувениры, если тебя это интересует.

Утром Стас показал направление маршрута, поцеловал Сашу в щеку и, сев в такси, махнул ей рукой.

Она смутилась после такого обычного поцелуя, как у семейной пары.

«Ночью не смущалась», – укорила она себя, вспомнив ласковые прикосновения ставшего вдруг таким близким мужчины, а теперь уехавшим от нее на машине. Она представила себя машущей платочком ему вслед. Надолго ли он уезжает? Навсегда? Она не успела насладиться прощанием, машина вернулась задним ходом. Стекло опустилось, Стас поманил ее к себе.

– Садись, подвезу тебя к памятнику Колумбу.

Саша не заставила себя ждать.

Ехали недолго. Он высадил ее на площади Портал де ла Пау, что означает «Врата мира».

– Идешь отсюда по бульвару Рамблас, – Стас показал направление рукой. – Все, пока, целую.

Что может быть интересней, чем открывать для себя новые страны. Особенно когда тебе двадцать лет с небольшим, и страны эти предстают перед тобой как необыкновенные миры. Здесь все не так, как дома, не лучше, не хуже, но все по-другому. И это другое поражает, восхищает, умиляет, заставляет ахать, недоумевать, хлопать глазами и открывать рот от удивления. Ты как губка впитываешь новые впечатления, чтобы потом, по возвращении домой, долго еще вспоминать увиденное, с восторгом рассказывая об этом другим.

Саша огляделась и начала рассматривать памятник Колумбу с указующе протянутой рукой. Проследила за ее направлением, увидела бухту и далее – море. Сфотографировала памятник издали, и все равно его пришлось на фотографиях делить на части – весь он не умещался в одном кадре.

Потом подошла к нему, обошла кругом, делая снимки со всех сторон, посмотрела опять на море. По всей бухте к берегу прижимались небольшие суденышки, с вскинутыми к небу голыми мачтами. Восхищение затапливало грусть, гнездящуюся внутри, и которая прорастала вновь и вновь.

Усилием воли она решила не предаваться грустным мыслям, оценила утреннюю суету городского пейзажа, улыбнулась себе и всему миру и пошла к бульвару Рамблас. Она нашла в Интернете путеводитель по бульвару, на ходу читая его описание.

Шла медленно, рассматривая здания, витрины, людей, идущих ей навстречу. С восторгом делала фотографии своим айфоном, подаренным Стасом, и растворялась в этом сказочном пространстве, отбросив от себя воспоминания и боль прошлой жизни.

И так же резко возвращалась в реальность, чувствуя себя чужой и лишней в этом мире, где не было Сергея, где она уже не ощутит на себе его сильных рук, теплого дыхания и сладких поцелуев. «Как теперь мне жить?» – вопрошала она тихо, чтобы этот чуждый мир не подслушал и не осудил ее.

И опять сладостный сон окутывал ее. Она медленно шла по бульвару, озираясь, боясь пропустить что-нибудь существенное и интересное, делала два-три снимка с разного ракурса и шла дальше, впитывая прелесть познания чужого государства, ставшего на время таким близким.

Вот памятник каталонскому драматургу и поэту Фредерику Солеру и театр «Принсипаль» – первый театр Барселоны. Вот «Рамбла Капуцинов». Здесь где-то должен быть оперный театр Лисео. Она оценивающе оглядывала здания, деревья, непроизвольно останавливаясь на пальмах, без стеснения раскинувших свои кроны, как бы соревнуясь с высокими деревьями. И как только Саша увидела пальмы, вспоминала поездку в Сочи, там тоже были пальмы, и там, рядом с ней, был Сережа.

Туристов становилось все больше и больше, проходящие мимо говорили на разных языках, но одинаково глаза по сторонам, щелкая камерами и телефонами. Иногда Саша увлекалась разглядыванием одежды на прохожих, удивляясь небрежности этой разношерстной толпы, которая, казалось, хотела удивлять и поражать своей экстравагантностью, не думая о том, что это смешно или вообще неприлично. Некоторые были одеты так, что вызывали у нее непроизвольную улыбку, рука сама наводила телефон и запечатлевала видения, потом она рассматри-

вала неповторимый снимок, который хотелось тут же выложить в Интернет с едким комментарием.

Радуюсь, как ребенок, она почти на каждом шагу фотографировала статуи фонтаны, скамейки, деревья, как будто все для нее было важным. «А это, должно быть, Рамбла цветов», – решила девушка и улыбнулась. Уж тут она не ошиблась, увидев великолепие разноцветных букетов и почувствовав аромат, смешанный из тысячи цветов.

Пройдя еще немного, она села за столик небольшого кафе, раскинувшегося прямо на тротуаре. Попросила черный кофе без сахара на английском, официант кивнул головой, и девушка обрадовалась, что он ее понял.

Пока ждала, грусть снова пожаловала к ней, обняв своими холодными объятиями.

«Вот было бы здорово, если бы сейчас за столиком напротив меня сидел Сережа, держал бы меня за руку и смотрел влюбленными глазами. Мы пили бы кофе, и он меня фотографировал». Она вспомнила, как они сидели в кафе, на открытой террасе в Царицыно, и Сергей фотографировал ее без остановки, пытаясь уловить «многогранность» ее улыбки.

Выпив кофе, заказала мороженое и бокал воды. Хотелось просто посидеть и обдумать все случившееся за последние дни. Только сейчас она начала думать о том, правильно ли она сделала, уехав с малознакомым человеком в чужую страну. Вспомнила проведенное со Стасом время в постели между вечером и ночью, его нежные прикосновения, почувствовала, что краснеет, и решила, что для мести Сергею это довольно мелко, ведь бывший муж не увидит ее в Барселоне со Стасом. Теперь надо сделать так, чтобы Сергей узнал, что она выходит замуж, ну, и про Барселону, надо бы как-то сообщить, чтобы он там, в Москве, кусал себе локти.

Воспоминания терзали ее, навязывая безысходность, но молодость и надежда на то, что можно еще что-то исправить, брали свое. Хотелось необыкновенного чуда, которое исправит в ее жизни излом, заставивший ее расстаться с Сергеем, надломивший ее и пригнувший к земле. Хотелось подняться во весь рост, исправить ошибку, а она считала разрыв с Сергеем самой большой ошибкой в жизни, и идти дальше по жизни рядом с любимым человеком. Рядом с Сереженькой.

Она мучилась, не зная, что предпринять. И вдруг решила, что необходимо сделать фотографии со Стасом и обязательно выложить их в соцсетях, чтобы их увидели однокурсники, которые расскажут об этом Сереже.

Она знала, что обратного пути нет, но сердце рвалось к прежней жизни с Сережей.

– Увидев меня счастливую, он пожалеет, что променял меня на свою Янку.

Мысль, что ему будет также больно, как и ей, успокоила ее.

Отдохнула и продолжила осмотр, отодвигая от себя мысли о Сергее.

Утомившись от впечатлений архитектуры, она стала заходить в бутики и сувенирные лавки. Хотелось набрать сувениры десятками, но она ограничилась только двумя статуэтками кошек для коллекции и несколькими видами Барселоны на магнитах.

Она шла дальше по бульвару. Почувствовав усталость, одновременно ощутила, что печаль уходит из ее сердца. От радости она решила побаловать себя покупками. В бутике она купила себе блузку, а в сувенирной лавке – кувшин поррон – стеклянный кувшин для вина с длинным тонким носиком, формой напомнил Саше пластмассовую лейку, из которой мать поливает цветы на подоконнике. Кувшин этот ее буквально заставил приобрести продавец, пожилой испанец с большим животом и улыбчивой смуглой физиономией. А через некоторое время к ее кошкам добавилось еще две.

Чем дальше она шла, тем сильнее новые впечатления, краски начинали смешиваться, превращаясь в одно многоцветное пятно: люди, здания, люди, здания, вот, кажется театр Полиорама, а это – церковь Вифлеемской Богородицы, а здесь – театр Лисеу.

Вот она вышла на площадь Каталонии, да, она не ошиблась. Она нашла в Интернете фотографии площади, остановилась, бегло прочла описание: «Пласа-де-Каталунья – площадь,

расположенная в центральной части Барселоны. Соединяет старую и новую части города, занимает более...».

– Ого, какая огромная! – Восхитилась путешественница и решила обойти ее всю. Она уже немного устала, и щелкала фотографии, скорее, по инерции, интерес к ним стал пропадать. Кому она будет показывать фотографии? Сергея нет. Матери это не интересно. Может быть, они будут в семейном альбоме? Жаль, что Стас занят. Их совместные фотографии были бы чудесными.

Она обошла площадь только на четверть, повернула и вышла на середину, к фонтанам. Потом нашла чугунный питьевой фонтан Каналетес, из каждого крана сделав по глотку, представляя, что возвращается сюда в скором времени.

Саша вышла на одну из улиц, уходящую от площади, нашла кафе, выстроившиеся столы прямо на тротуаре, огороженные переносными стойками, и села за столик под зонтиком, похожим на грибок над детской песочницей.

Пока принесли заказ, она позвонила Стасу. Она сбросил звонок.

«Видимо, сильно занят», – решила Саша и не стала больше звонить.

Поев, она еще посидела, отдыхая и наслаждаясь созерцанием проходящих людей, пытаясь определить, испанцы они или приезжие. Проверить она это не могла, поэтому занятие ей быстро надоело.

Пройдя еще немного от площади, она нашла такси, решив объехать все творения Гауди. С трудом объяснив на английском, что ей надо, Саша, найдя картинки творений Гауди на телефоне, показала их водителю. Наконец, он понял и долго возил ее по городу, а она, опустив стекло, прямо из машины делала фотографии. Они проехали Дом Бальо, дом Мила, Собор Святого Семейства, Дворец Гуэля... Под конец она так устала, что уже не понимала, что видела впервые, а что представлялось ей давно знакомым. Саша позвонила Стасу, но телефон был занят. Тогда она назвала водителю отель и попросила ехать туда.

Стас был в номере. В одних плавках он лежал на кровати, одну руку закинув под голову, а второй держал свой новый айфон, большим пальцем, по-видимому, набирая текст переписки. Саша была удивлена его присутствием, ей казалось, что он еще разбирается со своими делами.

– Ты не позвонил мне, – она вопросительно посмотрела на него, приподняв брови.

– Да, я только освободился, устал. Решил отдохнуть, а потом позвонить тебе, – ответил он просто. – Где ты была? Что видела? – Поинтересовался он, не отводя взгляда от телефона.

Она вкратце пересказала, что ей сегодня удалось увидеть. Показала свои покупки. Стас мельком посмотрел, ухмыльнулся и спросил:

– И это все покупки? Я думал, ты купишь пол-Барселоны.

И опять провалился в телефон. Приняв душ, она в халате легла рядом со Стасом, который продолжал переписываться, при этом улыбался, и что-то даже умудрялся напевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.